

Н. ГОПОВА

Екатеринбург-

СВЕРДЛОВСК

СВЕРДЛГИЗ * 1935

КМ 790/25

7/16

SS

Handwritten red scribble and purple ink marks.

100 - 100 - 100

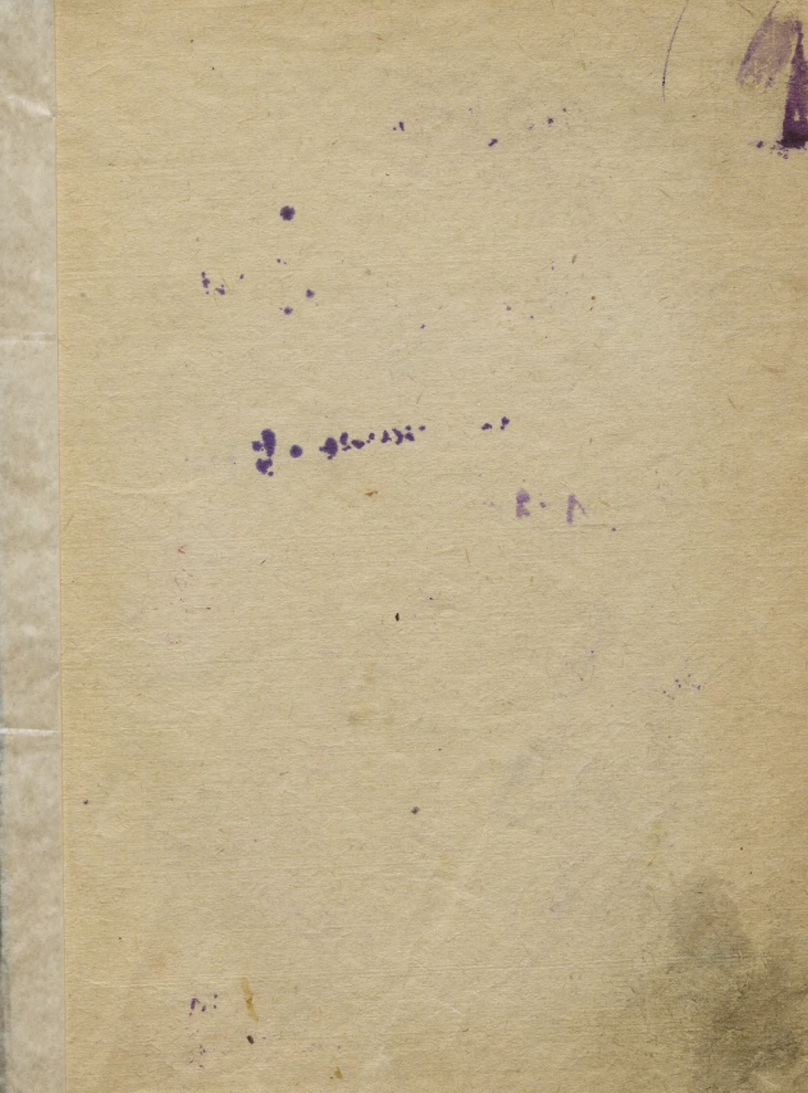
R. A.

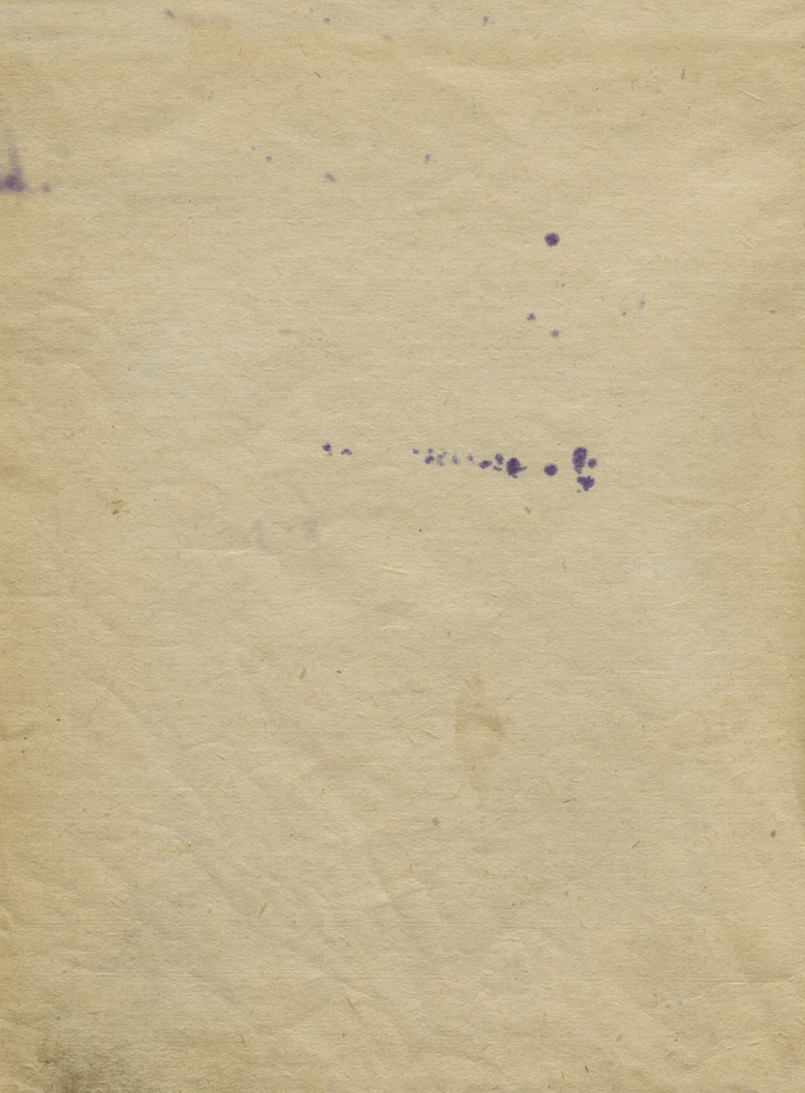
21/10

10

10

10

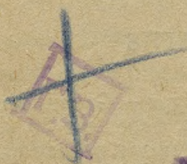
*Зарисовки с натуры художника А. Бормотова.
Обложка художника Г. А. Иванова.*

Н. ПОПОВА

02.12.1
9/47/9
1758

ЕКАТЕРИНБУРГ—
СВЕРДЛОВСК

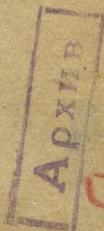
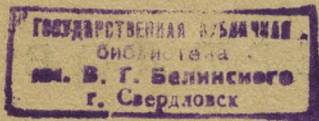
Иркутск. 1935
1935
1935

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК—1935

М 790196

Н. Попова. Екатеринбург-Свердловск.
История города в картинах и эпизодах
со времени возникновения до наших дней.
Для детей старшего возраста и юношества.

0

М 790195

СВЕРДЛГИЗ

Н. Попова „Екатеринбург — Свердловск“.

Цена 1 руб. 25 коп., переплет 30 к.

Редактор *К. В. Рождественская*. Технич. редактор *В. Д. Коркин*.
Корректор *О. Д. Березина*.

Сдано в набор 20/X 1934 г. Подписано к печати 10/1 1935 г.
Уполномоченный Свердловобллита В-3872. Огиз № 1148. Индекс
V — Д-9. Бумага фабрики „Сокол“. Формат бумаги 62×94¹/₈.
Бумажных листов 2¹/₂. Печатных знаков в бумажном листе
79 488. Печатных листов 5. Учетно-авторских листов 4,96.
Тираж 10 000 экз

Заказ типографии № 1849.

Отпечатано в Свердловской типографии треста „Полиграф-
книга“. Банковский пер., № 3.

ГОРОД-БРЕПОСТЬ

ТАТИЩЕВ

Двести с лишним лет назад города Свердловска не было и в помине. На месте его шумел глухой хвойный лес. Деревья были высоки и толсты, — таких теперь не сыщешь в окрестности. По лесу протекала плавная Исеть.

При впадении реки Уктус стоял Уктусский завод. Там выплавляли чугун и медь.

К северу от Уктуса работало еще два казенных завода: Алапаевский при слиянии Нейвы и Алапанихи и Кунгурский.

А к югу от Уктуса на реке Синаре был Каменский завод.

Плохо работали эти заводы. Не было искусных мастеров. Управители не умели хозяйничать.

Зато процветал частный завод Никиты Демидова. Царь Петр подарил Демидову Невьянский завод

и за это велел ему «ставить в его царского величества великого государя казну, на всякие обиходы и воинские припасы пушки, мортиры, бомбы, гранаты».

Шла в то время затяжная война со Швецией. России был нужен металл.

Прошло двадцать лет.

Бывший оружейный мастер Никита стал богатым владельцем.

Он выстроил близ Невьянска три новых завода: Шуралинский, Тагильский и Быньковский.

Петр был доволен Демидовым. Он разрешил и другим частным лицам искать горные руды и строить заводы.

Уральскими заводами управляла Берг-коллегия. Трудно было управлять из Петербурга. Почты тогда не было. Заводы слали донесения через Тобольск. Оттуда раз в месяц отправлялась почта в «Россию». Не один месяц проходил до получения ответа. С Урала до Петербурга не скоро доскачешь. А на Урале нужен был «свой глаз». Казенные заводы пустели и приходили в упадок.

Тогда решили для управления уральскими заводами учредить в Уктусе Горную канцелярию. Уктус находился в центре горнозаводского Урала.

Начальником Горной канцелярии назначили капитана артиллерии — Василия Никитича Татищева.

Просмотрев книги Уктусского завода, Татищев нахмурился:

— Отчего мало выплавлено чугуна, меди и артиллерийских припасов?— спросил он.— От нерадения и лености?

— Отнюдь нет, государь мой,— ответил управитель,— а потому доменная печь и кричные молота по недостатку воды несколько месяцев не работали...

Татищев покачал головой. Не понравился ему Уктусский завод. Пруд мал, леса поределели — вырублены. Углежогам приходится уезжать на дальние уголья. Да и что это за завод, который не работает по несколько месяцев в году? Если под самым носом Горной канцелярии будет такой завод — чего же требовать с управителей дальних заводов?

И Татищев задумал построить новый завод выше устья Уктуса. На этот завод он решил перевести Горную канцелярию. Он послал мастеров искать место, удобное для устройства большого пруда. Вызвали из Соликамска пленного шведа. Этот швед считался знатоком горного дела.

Наконец место было найдено в шести верстах от Уктуса, по реке Исети. Татищев съездил туда и остался доволен.

Стоит перегородить полноводную Исеть, и она разольется в широкий пруд.

Вода подыметя до краев ложбины, по которой вьется русло Исети.

— Изрядный будет пруд, — сказал Татищев, — и лесу, здесь изобильно.

Хвойные леса подступали к самым берегам. Дикий густой лес тянулся на десятки верст.

Вверх по течению реки не было селений. Только вблизи, за Исетью, работали крепостные рудокопы на железных рудниках.

Вода, лес, руда — все, что нужно для завода. Мысленно Татищев уже видел этот завод с четырьмя домнами и сорока кричными молотами.

Возвратившись в Уктус, он написал донесение в Берг-коллегию.

Татищев просил разрешения построить новый завод, а на Уктусском оставить только одно медеплавильное производство. Для нового завода нужны были искусные мастера.

Татищев просил:

«Прислать несколько нужнейших мастеров слесарей, точильщиков, колольщиков, жестяного и стального мастера, строителей мельниц с олонецких заводов... Дозволить принимать на новый завод мастеровых и рабочих из вольных всякого чина людей... Допустить селиться шведских пленников с тем, чтобы

им было дано позволение жениться на русских девушках без перемены веры».

Татищев хотел установить еженедельные торги на новом заводе и две годовых ярмарки.

Он доказывал Берг-коллегии, что Ирбитская ярмарка «не приносит государственного прибитку».

Ирбит в то время был маленькой деревушкой. Жило там около двадцати семей. Постоялых дворов не было, и купцам приходилось «стоять на улице». И порядка на ярмарке не было.

«Ларешный, кого похочет, — осмотрит вскорее, а другой простоит весь торг запечатаны возы. Отчего многие перестали ездить и принуждены с немалой тягостью сибиряки ездить в Россию, а россияне в Тобольск».

Татищев был уверен, что если ярмарка будет перенесена в новый город, то сюда поедут купцы из всей России и Тобольска.

«Государственной же коллегии прибиток, — писал он, — мастеров при таком месте за малое жалование содержать можем, ибо они от постоя и торгу довольны будут».

В том же письме Татищев говорит о том, что надо соединить водным путем Урал с Архангельском.

«В уезде Соли Вычегодской есть озеро, из которого вышли две реки Кильтмы: одна пошла в Каму, другая в Вычегду. Шведские офицеры, разумеющие, сказывали, что разве

на версту, не больше две, почистить мхи и сделать шлюза три или четыре, то все лето с добрыми судами проход будет свободный.

И ежели бы сие учинилось, великий был бы прибыток купечеству. К тому же и нам, когда размножится железо, — свободно можно и городу Архангельску отпустить».

Татищев заботился о том, чтобы постройка нового завода и города была выгодна и купцам, и заводчикам, и казне.

Он просил Берг-коллегию отпустить для постройки двадцать пять тысяч рублей.

Не дожидаясь ответа Берг-коллегии, он разослал нарочных по селеньям Тобольского и Верхотурского уездов.

Перед отправлением наказал им:

— Сказывайте всякого чина людям: кто хочет подрядиться в какую-либо работу при строении нового завода, лес тесать, бревна и землю возить, строить плотину, — те являлись бы в Уктус, в канцелярию горных дел.

И нарочные отправились в слободы и остроги, которые стояли по берегам рек: Туры, Тобола, Ницы, Исети, Пышмы, Нейвы, Тагила.

Весной лесорубы, плотники, кирпичники уже работали на постройке нового завода.

Лесорубы валили деревья, корчевали пни. Плотники тесали бревна, клали срубы. Кирпичники

делали в сараях, крытых хворостом, кирпичи. Возчики везли к сараям тяжелые возы глины.

В конце мая пришел ответ на донесение.

Не такого ответа ожидал Татищев!

«Железных заводов по указу, строить не велено», — писал президент Берг-коллегии, — а производить те, кои до сего времени только были. А паче же производить ноне и стараться всеми мерами серебряные и медные и квасцовые заводы, которых заводов в России нет, а железных везде довольно. Так же опасно в том месте железные заводы заводить, чтобы медных заводов дровами не оскудить...»

Так писала Берг-коллегия.

Однако Татищев не потерял надежды. Он решил добиться разрешения на постройку завода, а пока распорядился:

— Нарубленный лес собрать в стопы да положить на сухих местах. Начатые избы дорубить и оставить в срубах. Делать кирпич до ста тыщ штук.

Вскоре Татищеву пришлось выехать в Петербург. Он ехал «искать управы» на Демидова.

Давно шла меж ними вражда.

Своевольный Демидов не привык подчиняться никому. Даже воеводы не смели распоряжаться в его владениях. И вдруг какой-то капитанишка сует свой нос в заводские дела — составляет опись рабочих, требует в казну десятую долю железа.

Мало того, — Татищев запретил принимать на демидовские заводы беглых рабочих. Выследил, что по тайным дорогам Демидову везут товары, минуя заставу и не уплатив пошлин.

Упрямый Демидов не привык, чтобы «смотрели в его карты». Он возненавидел Татищева.

Приказчики, по наущению Демидова, отвечали на приказы Горной канцелярии так:

— Капитану Татищеву мы ни в чем не послушны. И дела ему до нас никакого нет. И впредь бы он нам указов никаких от себя не присылал: а буде впредь будет какие указы посылать, и таких посыльщиков будем держать скованными до хозяина своего в тюрьме.

Демидов запретил своим крестьянам наниматься в кормщики на казенный караван. Запретил продавать хлеб рабочим, плывшим на казенных судах.

А вогул, которые сообщали Татищеву о рудах, Демидов бил и грозил бросить в домы.

Не раз Демидов посылал жалобы в Петербург. В свою очередь жаловался и Татищев. Но ответа из Петербурга не было.

Наконец, Татищев решил съездить сам. Он думал, что легче будет доказать свою правоту в личном разговоре.

Отправляясь в дальний путь, Татищев приказал:

— Для строения новых заводов подряжать кирпичников, чтобы в предбудущее лето сделать до шестисот тыщ. Топоров, лопаток, кирок велеть вприбавок доделать. А тележек подрядить сделать по пятисот на Уктусском и на Алапаевском заводах. Чтобы по получении указа к строению нового завода ни за чем остановки не было.

Татищев думал, что скоро возвратится назад. Но не тут-то было.

На стороне Демидова стоял всеильный вельможа Апраксин. Вместо Татищева на Урал приехал генерал-майор Геннин.

СТРОИТЕЛИ ГОРОДА

Проект Татищева понравился Геннину. Геннин решил построить новый завод. Приказ Берг-коллегий его не смущал.

Петр ценил и уважал Геннина. Гордый Геннин склонялся лишь перед царем. С Берг-коллегией он почти не считался.

«На Уктусские заводы прибыл 8 числа декабря, — писал он в Берг-коллегию, — заводы по осмотру моему явились построены весьма не в удобном месте, и мастера на них самые плохие. Из-за умаления воды много прогулу, бывает, и домны сделаны не той пропорцией, чтобы из них пушки лить. И ныне я велел для исправления оных потребное за-

готовавливать, ибо мне на оные жалко смотреть...

А для лучшего буду весною строить вновь железные заводы на реке Исети расстоянием от Уктусских заводов за 6 верст. А положение оных мест изрядно... А о ситуации, где буду оные строить, посылаю малый чертеж».

Весной 1723 года Геннин согнал на строительство солдат, крестьян и мастеров.

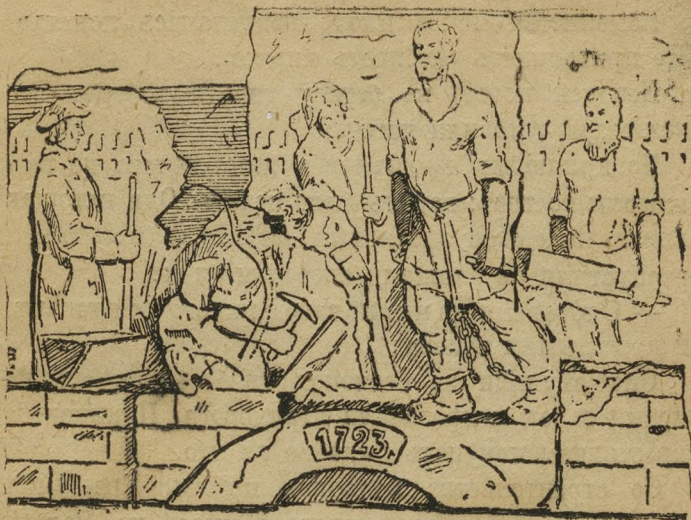
Пришел из Тобольска полк солдат. Приехали плотники, столяры, слесари. С олонецких заводов прибыли мастера, подмастерья и ученики различных цехов.

Пешие и конные крестьяне пяти слобод потянулись на строительство. Эти крестьяне были приписаны к новому заводу.

В июле «на строении завода» работало полторы тысячи человек.

«Плотину и завод строю крестьянами, которые приписаны к заводу, — писал Геннин Берг-коллегии, — из трех дворов по человеку, которым зачитается за их работу и подать по 2 гроша за рабочий день. А солдатам дается по 11 алтын на месяц да провиант...»

Мастер с двумя помощниками распорядился постройкой стосаженной плотины. Сюда везли возы земли, хвороста, бревен, чтобы перегородить Исеть.

Барельеф на стене гранитной фабрики. Изображает строительство Екатеринбурга

К месту, где клались домны, везли кирпич и тяжелые горновые камни.

Солдаты строили укрепления и «хоромные» строения, цеховые ученики и подмастерья — дома.

Землекопы рыли. Работали от зари до зари.

Земляных работ было много. Надо было вырыть канавы, выемки под фундаенты, котлованы. Надо было окружить город рвом и насыпать земляной вал. А протяжение рва — около двух с половиной верст.

Каменистая почва плохо поддавалась лопатам. Ее приходилось разбивать киркою.

Поздней ночью на берегу горели костры. Это кашевары готовили ужин.

Но приписные крестьяне в иные вечера не разжигали костров: варить было нечего. Они натопака вползали в свои землянки. Уктусские барышники распустили по ближним слободам слух:

— Стоварами на новый завод никого не пускают, и продать там некому.

Они скупали за бесценок хлеб, везли его на новый завод и продавали в тридорога. Приписным крестьянам покупать было не на что.

Со строительства начались побегі. Крестьяне бежали, куда глаза глядят: в леса, на Волгу, в башкирские земли.

«Бежало ныне много на воровство на Волгу,— писал Геннин царю,— и того ради я понужден был по учиненному кригсрехту (суд) которые пойманы — перевесить»...

Но побегі не прекращались.

Тогда Геннин собрал офицеров, мастеров и крестьянских артельных старост. Сдвинув густые брови так, что складка между ними стала резкой и глубокой, Геннин сказал:

— Бежало ныне много... Понужден я был, которые пойманы — перевешать... Оповестите всех

ежели не перестанут бегать — то и жесточе буду поступать.

Чем ближе двигалось время к осени, тем больше подгоняли строителей. Геннин опасался, что плотину не удастся кончить до заморозков. А если плотина не будет готова — весенняя полоя вода снесет все сооружение.

И вот он приказал солдатам, строившим укрепления, перейти на плотинные работы. Солдатам велено было возить землю.

А крестьян стали припрягать к лошадям.

Однажды ночью сбежал камышовский крестьянин Титов.

Утром вдогонку послали солдата.

Солдату строго-на-строго приказали догнать беглеца.

— Не поймаешь — шпицрутенов отведаешь, — сказал ему офицер.

Барельеф на стене гранитной фабрики. Изображает строителя города

КО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Солдат не догнал Титова, но все же избежал наказания: он принес важное известие. Солдат донес, что около 1500 приписных к заводам крестьян скрываются около башкирских вотчин близ озера.

Крестьяне, действительно, собрались в указанном месте. Они побросали свои хозяйства, пашни, скот, чтобы только скрыться от господ и служилых людей.

И вот Геннин приказал объявить башкирцам:

«Дабы они всех русских людей ловили в своих жилищах, привозили в город, а за поимку оных, кроме лошадей, брали бы у них все их пожитки себе».

Осенью 1723 года Геннин писал в Петербург донесение о ходе строительства. Сальная свеча освещала его бритое узкое лицо и спесиво выдающуюся нижнюю губу.

Гусиное перо выводило размашистые строки.

Геннин писал:

«Крепость против посланного чертежа уже достроена. А в ней помянутые заводы, фабрики и мануфактуры и медная плавильная и медеочищительная. Хотя много строения, надеюсь нынешнею зимою привести в действие. На прошлой неделе такую новую великую плотину заперли, и вода в пруд пущена, изрядно устояла. Оная плотина с лишком сто сажень длины, четыре сажени вышины, а

ЗВАНИЯ

БЕРКОВЫ
 В СЕВЕРНОЙ
 ОКНАМИ ПОДЪЕЗ
 С ВЕРХНЯЯ

УЛАНЫ
 ЗАВОДОВАЛЬ
 СЕРЫА ПЕС СОВИТЕ
 ДОГ. МУСЕРОВАЯ
 ФУМ. Т. ЧЕР. В. ШОКА
 З. ЛЕДИНОВАЯ САРЫ
 З. Д. Д. Л. Ж. Д. Д. О.

В СЕВЕРНОЙ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. БОГАДИНА
 Ч. ДВОРЫ ПОДЪЕЗ
 Ч. ШАВОЛА
 Ч. ДВОРЫ ДИМИТРИЕВСКИЕ
 Ч. ДВОРЫ ДИМИТРИЕВСКИЕ
 Ч. ДВОРЫ ДИМИТРИЕВСКИЕ
 Ч. ДВОРЫ ДИМИТРИЕВСКИЕ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

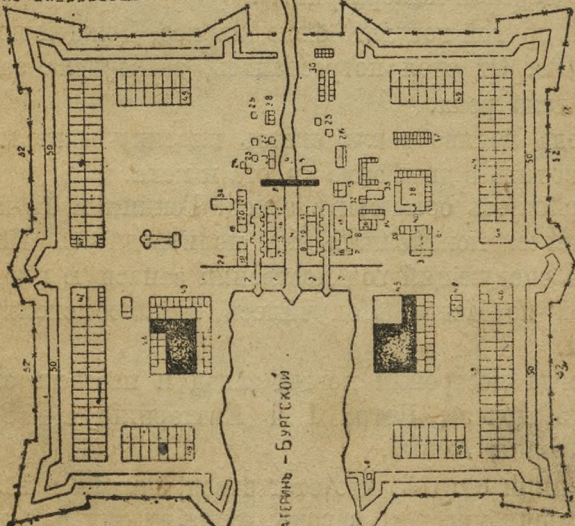
ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ
 ПОДЪЕЗ

Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ
 Ч. ДВОРЫ ЦЕРКОВНИЧЬ

СВ. ПЛАТОН ЕКАТЕРИНИ
 СВ. ПЛАТОН ЕКАТЕРИНИ
 СВ. ПЛАТОН ЕКАТЕРИНИ
 СВ. ПЛАТОН ЕКАТЕРИНИ
 СВ. ПЛАТОН ЕКАТЕРИНИ

ЕКАТЕРИНИ - БУРГСКОЙ

РИКА ИСЕТЬ

Масштаб 100 саж.

План города Екатеринбурга в 1726 году

заложен фундамент ей 37 сажень толстоты, а наверху 25 сажень».

Геннин назвал новостроенный город Екатеринбургом, в честь жены Петра I — Екатерины.

Он так и написал царю:

«Для памяти в вечные роды и для вечной славы ее величества, всемилостивейшей государыни императрицы».

На другой год лето было жаркое. Дождей не выдало. От зноя потрескалась, затвердела земля, обмечела река.

Вода лениво текла сквозь плотину и не могла приводить в движение молота и меха.

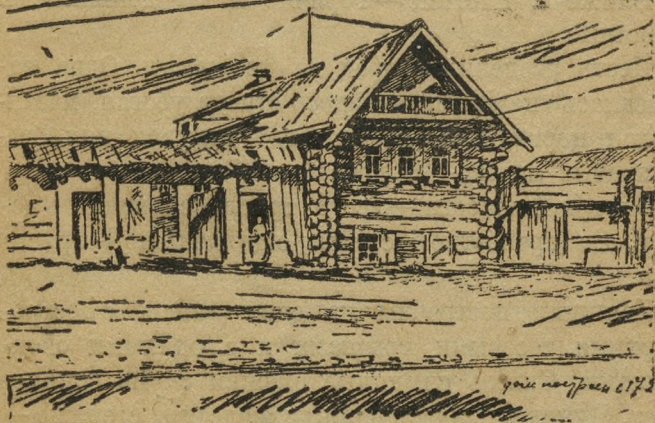
Пришлось остановить завод. Геннин и Татищев слишком понадеялись на полноводность Исети.

На следующий год построили запасную плотину вверх по Исети. Получилось большое скопление воды.

Тогда построили новый завод и назвали его в честь дочери Петра I и Екатерины I — «Завод цесаревны Анны».

Геннин считал, что этот завод, находясь вблизи Екатеринбургского завода, «служит ему для вспомоществования, подобно тому, как цесаревна Анна — помощница матери».

Но в народе не удержалось название «Завода цесаревны Анны».

Этот дом был построен в 1726 году.

Зарисован с натуры в 1934 году.

Его стали называть «Верхисетским».

Ров, вал и невысокая стена — палисад окружали новый город.

Деревянная стена шла четырехугольником. Внутри крепости — горстка строений.

За плотиной, по берегам Исети, вытянулись узкие длинные «фабрики» (цеха). Дальше стояли угольные и рудные сараи, «магазины», где хранился хлеб. На заводской площади лежали кучи

свежего шлака, громадные горновые камни, кирпич.

Ближе к плотине — горячие деха: доменные и кричные.

Исеть разделила город на две части. Одна называлась «церковной» — здесь стояла убогая, мазанковая церквушка; вторая, где тянулся ряд бревенчатых лавок, — «торговой».

Внутри крепости — всего триста семнадцать домов. За крепостною стеною еще меньше — триста три.

Домишки построены на один манер: с островерхими тесовыми крышами и слюдяными оконницами. Сквозь слюдяные окошки скупно сочился свет. Лучина, укрепленная на железном стержне — светце, освещала голые стены, покрытые копотью и сажей.

Более внушительно выглядели лишь кирпичные заводские корпуса да несколько «хоромных строений», где разместились канцелярии и начальство.

Здесь находилась «Канцелярия главного правления сибирскими заводами».

От нее зависели все сибирские, уральские и пермские крестьяне.

Ей подчинялось начальство: томское, кузнецкое, верхотурское, пермское, кунгурское и даурское.

ОГНЕННАЯ РАБОТА

В новом заводе было две доменных печи, три кричных «фабрики». Кроме того, дощатая «для делания железных досок», жестянная, лудильная, якорная и медная.

Когда в городе строили новую церковь, взамен развалившейся мазанковой, купол ее и крышу покрыли белой жестью, изготовленной на заводе. Иконостас сделали заводские столяры, и колокола отливали на заводе, только выписали для отливки демидовского искусного мастера.

А для экспедиции Беринга, которая направлялась через Сибирь, чтобы выяснить существует ли пролив между Америкой и Азией, Екатеринбургский завод изготовил якоря и медную посуду.

Работа доменных и кричных «фабрик» в старину называлась «огненной».

«Огненным действием» управлял мастер.

Войдя на завод после воскресного дня, почтенный доменный мастер прежде всего снимет кафтан (не прожечь бы ненароком), потом помолится, отдаст поклон мастерам и прикажет «дело зачинать».

— Отпущай запор!

А подмастерье уж знает, как надо открыть запор, чтобы вода, хлынув в водяное колесо, не сделала повреждения мехам.

Ринется вода, завертится колесо, завоют, как ветер, деревянные клинчатые меха. Меховой «дух» устремится в горн, раздует пламя...

Зорко следит мастер в фурменный глаз нет ли черноты? Не застуживается ли рудная засыпь? Нет ли треска? Часто ли отделяется перед «глазом» чугун наподобие золотистых в горошину капель? Опускаются ли те капли в горновой ящик?

А если заметит зловещую черноту, — прикажет засыпь убавить, а меховой дух усилить. Подмажут глиной фурменный глаз, чтобы поворотить меховой дух туда, где появился «рудный застой».

А если не поможет — кинется мастер наверх, откуда руду и уголь засыпают. Велит сыпать один уголь. Кинутся работные к черемховым решеткам — потащат наверх уголь.

Воротится мастер к глазу — смотрит... И если нет прежней «светлости», если не собираются золотистые чугунные капли — беда.

Печь засорилась!

Казне убыток, мастеру укор. Работным — надсадный труд.

Остановилась домна. Замолчали меха. Лежит в горне скипевшая из руды глыбища. Придется ее суток трое выламывать.

Пробивать толстый кожух печи — выламывать глыбу — страшно. Один неверный удар — и хлынет огненная река, зальет двор и рабочих людей. Все живьем сгорят...

Тяжела огненная работа в доменном цехе!

Еще надсаднее труд мастеровых «кричной фабрики», где изготавливают железо.

В кричном цехе жара.

Пылают кричные горны. Искры сыплются тучей золотых ос. Завывают меха. Долбят по наковальням молоты.

Рабочий люд парится в неустанном труде.

Мастер обучает подручного:

— Ежели из горна выходит синее пламя, значит, крица поспела. А поспелая крица, как вынешь ее из горна, горит белым пламенем.

Или:

— Меховой дух пускай в ту сторону, где ярковатый вид и трескучий слух.

Вот и крица поспела.

Мастер махнул рукой:

— Выламывай!

Струдился народ у горна. Кто водой плещет на пламя, кто большим ломом орудует, кто вилку двухколесную катит.

Крицу катят к молоту.

Мерно бухает молот, плющит крицу.

Тут каждый к должности пустился.
Кто уголь, кто чугун тащил.
А кто огонь класть торопился.
В колесы воду пропустил.
Мехов раздались завыванья.
И искры из горнил летят...
Растоплен пламенем и углями,
Чугун лился сквозь огонь на низ.
В горнах огромными буграми
Металлы грубые слились.
К горну собравшись все толпою,
В защитках кожаных стоят.
Уже большую кочергою
Там крицу к молоту катят.
Огромный молот поднимался,
Он крицу плющил и дробил.
Тогда ужасный стук раздался,
И молот крицу раздробил.
Когда же крицу разрубили,
К горнам орудия несли,
Дела на час остановили,
Потом к колодезю пошли.

Так рассказывает о работе в кричном цехе поэт того времени — рабочий Алипанов.

У горна — нестерпимо жарко. Вся вода, выпитая с утра, выступила потом. А пьют мастеровые на огненной работе помногу: иной в день до трех четвертей выпивает.

Подошло время «паужнать». Бредут работные к чану, жадно пьют воду, обливаются. Кто послабей — ложится в растяжку на плотине.

Ребятишки бегут — несут отцам варево в глиняных горшочках.

ПРИПИСНЫЕ

В 1733 году через Екатеринбург проезжал ученый путешественник Гмелин.

«Вблизи Екатеринбурга, — рассказывает он в своих записках, — нам встречались селения, в коих не было ни одного мужчины, кроме дряхлых стариков. Женщины и дети при нашем появлении в страхе разбежались».

Куда же девались мужчины?

Царь Петр «для исправления заводских нужд» приписал к заводу ближайšie деревни. Все мужчины работали на заводах.

Они рубили дрова, жгли уголь, подвозили руду. Потом приписных заставили работать и в цехах.

Приписные крестьяне жарились у горнов и домен, а на пашнях осыпался хлеб. Блекла некошенная трава.

Захудали приписные, изнемогли. Что ни год — житье все хуже и хуже.

Не в те ли годы была сложена песня, которую до сих пор распевают в глухих деревнях Урала:

Зимонька-зима да холодна была,
Холодна была да морозлива.
Ни сена, ни дров, скотина ревет.
Лети на печи скорчились, сидят.
Мужика в дому нету у меня.
Как мне, бедной, быть, горю пособить...

Наконец, приписные бросили свои дома и пашии и переселились на завод. Они стали постоянными рабочими.

Вот откуда взялись «даровые» рабочие руки.

Царь Петр особым указом предписал:

«Смотреть за ними гораздо, чтобы чего не сплотовали и за вины бить их нещадно».

И приписных драли.

Драли не только за ослушание, «нерадивость», но и за неумение.

Приписных сажали на цепь, морили голодом. Обливали водой на морозе. Замуровывали.

Следы этих зверств нет-нет да и встретятся нам.

Осенью 1930 года, например, рабочие Верхисетского завода обнаружили страшную находку...

Они перестраивали старый каземат, решив сделать из него красный уголок. Разбирали кирпичную кладку. Вдруг один из них вскрикнул: он увидем череп. Подбежали остальные, расширили отверстие. Там был замурованный человеческий скелет.

Приписные бежали из заводов куда глаза глядят.

Часть бежавших приписных делалась разбойниками. Разбой был протестом против гнета.

Большой известностью тогда пользовался разбойник Безручко, «гулявший» по реке Чусовой. Его

прозвали «Безручко» потому, что он имел только одну руку. Но говорили, что в борьбе он мог победить этой рукой любого человека.

Безручко наводил страх на управителей и чиновников. Особенно боялся его Демидов. Шайка Безручко нападала на демидовские караваны.

Наконец, Геннин послал солдат для поимки разбойника.

Безручко был пойман.

Когда Демидов узнал об этом, он написал Геннину письмо, в котором просил крепко сторожить Безручко.

«Имеет он, разбойник, великую мочоту, — писал Демидов, — одной рукой может человека в борьбе, хотя гораздо мочного, как хочет ушать свою силою или дьявольскою?»

Ответным письмом Геннин успокоил Демидова:

«Вора, о котором вы писали, который без руки и тот не уйдет, понеже я его прибавил на спину кнутом с ганцем, с клещами, что я чаю, тошно ему бежать, и прибавил инструменты железные около шеи и рук».

Безручко пытали, а потом положили на плаху и отрубили голову.

Свободно вздохнули заводчики и чиновники. А рабочий люд жалел Безручко. Работные видели в нем грозного мстителя.

Осенью 1762 года приписные заволновались. На многих заводах остановились работы.

Между приписными были распространены копии фальшивого манифеста, в которых говорилось, что крестьяне могут бросить работы на заводе и «осесть на пашню».

Этот манифест составил свияжский дьячок Козьмин и приписной крестьянин Куликов.

Приписные Верхисетского завода также бросили работу и разошлись по деревням.

Опустел заводский двор.

Заводское начальство поехало по деревням уговаривать крестьян «бросить упорство». Но толку не добилось. Крестьяне отказались выйти на работу.

Однако восстание это было непродолжительным. В городе находился сильный крепостной гарнизон. Солдаты насильно тащили на завод «бунтовщиков».

Не мало народа перепороли на заводском дворе. Били батогами и плетьюми.

Снова запылали горны и застучали молоты.

«Бунт» кончился.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МЕХАНИК

По приказанию Геннина, в Екатеринбурге были построены две большие избы, разделенные сенями.

Это была первая екатеринбургская школа. На заводах не доставало людей, знавших арифметику, черчение и письмо.

Когда в заводских конторах скоплялось много дела, учеников брали из школы, не дожидаясь выпуска.

Отрывали от школы и учителей.

Бывало так: машет учитель указкой. Ученики в такт, нараспев, хором твердят:

— Буки, он, глаголь — бог.

Старшие ученики усердно скрипят гусиными перьями, низко склонившись над бумагой. Вдруг отворяется дверь. Входит посланный из канцелярии и говорит учителю:

— Бог помочь! Меня за тобой послали. Сряжайся версты ставить.

Или:

— Велели тебе немедленно явиться... Дорогу мерять будешь!

В 1729 году в школе числилось 42 ученика, а 15 из них «писали» в разных конторах.

Много учеников до окончания курса школы определилось в «приемщики и расходчики припасов», «к ведению счетных книг» и «к письменным занятиям».

Если ученик не являлся в школу, с родителей брали: за первый прогулянный день одну

копейку, за второй — две копейки, а за третий и следующие пропущенные дни — по три копейки.

В этой школе учился первый русский механик — Ползунов.

Мало кому известно, что сын екатеринбургского солдата Иван Иванович Ползунов одновременно с Уаттом изобрел паровую машину. Ползунов даже опередил гениального англичанина. На 12 лет раньше, чем Уатт, он сделал чертеж воздуходувной машины.

Ползунов изобрел первую в мире воздуходувную машину для плавки руды.

Построил первую сдвоенную машину со встречным движением поршней.

Установил первое в мире точное круговращательное движение пара и воды.

Поставил впервые автоматическое питание парового котла.

Иван Иванович Ползунов родился в семье солдата Екатеринбургской горной роты.

После окончания школы Ползунов поступил «в механические ученики» на Екатеринбургский завод.

Здесь он работал пять лет.

Однажды Ползунова вызвали в горную канцелярию. Писец вручил ему приказ. В приказе

говорилося, что Ползунов «удостоен звания гиттенштрейбера» с окладом по два рубля в месяц.

А в конце было написано:

«Ныне же послать его, Ползунова, в Колыванский завод для обучения горному и плавильному делу, чтобы он по искусству, что сам знает; обучался. Дабы он впредь при горных, плавильных и пробирных делах мог быть достоин к производству в обер-офицерский ранг»...

В то время Ползунову было семнадцать лет.

Через одиннадцать лет он получил «обер-офицерский ранг» и должность шихтмейстера.

Ползунов в то время жил в Барнауле. Он жил замкнуто. Местные офицеры смотрели на него, как на «выскочку» и ни один не сошелся с ним.

Ползунов все свободное время отдавал наукам. Он изучал не только математику и механику, а также и физические явления. Он имел много метеорологических инструментов, производил опыты.

Суеверные жители Барнаула говорили, что Ползунов «постиг тайну бури и грозы».

Однажды Ползунову попалась книга ученого Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу». В книге был рисунок «огнедействующей водоотливной машины».

Рисунок произвел большое впечатление на Ползунова. Ползунов решил построить сходную с этой

машину для дутья в печи. По его проекту, меха, раздувающие пламя в горнах, должны приводиться в движение не силою воды, а силою пара.

Он написал начальнику Барнаульской горной канцелярии письмо о том, что составил проект машины, которая может действовать «через посредство воздуха и паров, происходящих от варения в котле воды».

Об изобретении Ползунова доложили Екатерине II. Она поручила разбор дела ученому Шлаттеру. Ползунов с нетерпением и волнением ждал ответа. Он верил в Шлаттера и уважал его.

И вот пришел ответ. Шлаттер писал:

«К каждой плавильной печи такую хитрую, из многих членов состоявшую, машину для привода мехов в действие строить за неспособно признается».

Ползунов не стал писать объяснительных записок, не стал доказывать, что Шлаттер ошибся. Он сделал иначе.

В течение пяти недель, он спроектировал новую машину, которая могла обслужить уже не одну, а десять печей. Он составил чертеж, продуманный до мельчайших деталей. Чертеж показывал, как можно распределить по сети труб воздух, сжатый мехами. Это напоминало распределение воды по каналам.

Копейка (в натуральную величину)

Пять копеек
(в два раза меньше натуральной величины)

Полтина (в два раза меньше натуральной величины)
Монеты Екатеринбургa.

Шлаттер признал, что изобретение Ползунова ценно. Машину приказали строить по второму проекту.

Постройка машины тянулась около двух лет.

Большое деревянное здание было сплошь заполнено трубами, цилиндрами, цепями, баками. Здесь работали Ползунов, два его помощника и мужики для поднимания тяжестей.

В декабре 1765 года машина была готова. Но когда стали ее испытывать, подвесив вместо мехов бревна, оказалось, что котлы надо ремонтировать.

Решили, что установят меха и соберут машину весной! Но Ползунов, надорванный непосильным физическим трудом и волнениями, начал хиреть.

16 мая он, не дождавшись пуска машины, умер.

После смерти изобретателя его ученики привинтили последние медные трубки. Машина была готова. Канцелярия приказала:

«Под котлом огонь разводите, воду варить и машину в действие приводить».

Через неделю состоялась проба. Оказалось, что машина действует хорошо и что воздуха достаточно для десяти или даже двенадцати печей.

Эта машина, стоившая жизни изобретателю, работала недолго: в котле появилась течь.

Вторично ее в действие не пустили. Предпочли работать по старинке, ссылаясь на то, что эта машина «по изобилию в заводе воды за нужную не признается».

КОМУ УГРОЖАЛИ ПУШКИ?

Черные жерла десяти чугунных пушек глядят с бастионов нового города. Возле каждой пушки — ящик с ядрами.

В случае тревоги часовой ударит в колокол.

На тревожный сигнал соберется крепостной гарнизон. С шумом и скрипом захлопнутся тяжелые ворота.

Зажужжат свинцовые пули. С грохотом ринутся из жерл чугунные ядра.

Перед крепостным валом вырыт ров.

В нестройные ряды врагов, сгрудившихся во рву, можно без промаха палить из мушкетов, лить кипящую смолу, кидать тяжелые камни.

Но хотя здесь бастионы, ров, пушки, — город не был похож на ту мрачную твердыню, которая возникает в воображении при слове «крепость».

Эта крепость — деревянная. Вал вышиной всего два метра, шириной около полутора метров. Глубина рва достигает всего один метр с третью, а ширина четыре метра.

За валом высится новый крепкий деревянный палисад.

По тем временам казалось, что город защищен крепко, и жители могут спокойно заниматься своим делом.

Кому угрожали пушки Екатеринбурга? Для чего город опоясался стеною? От кого оберегали рогатки, выставяемые на льду Исети зимою?

Ведь русские владения простирались далеко, город отстоял на тысячи верст от границ.

Крепость была построена для защиты от нападений башкир.

Еще в XVI веке русские колонизаторы подчинили башкир. В половине XVII века царь приказал строить города в «благодатной Башкирии», где тянулись черноземные равнины и протекали полноводные рыбные реки: Пышма, Исеть и их притоки.

Башкиры заволновались: они не хотели отдавать тучные земли, лесные, рыбные и хмелевые угодья русскому царю. Не хотели платить ясак.

В 1696 году, по царскому указу, был послан в башкирские земли тобольский дворянин Иван Полозов с товарищами «для осмотра и меры верст».

Вначале дело шло гладко, но когда Полозов доехал до озера Касли, жившие здесь башкиры взбунтовались. Они собрались многолюдной толпой и

с криками и угрозами загородили дорогу русским.

«А башкиретин Бугайло русским языком говорил,— писали тогда русские в челобитной к царю:— его-де, Ивана, и с ним всех они, башкирцы, копьями доколют. А с ними-де в заводе и в бунте большой заводчик башкиретин Ямагуза. А у них-де с казачьей ордою и с Каракалпаки мирно. И у всех-де у них дума одна: пойдут-де они в казачью орду и в Каракалпаки и, собрався с ними, придут на слободы войною и все-де слободы разорят без остатку».

Башкирские бунты и набеги повторялись много раз.

В 1718 году башкиры напали на Арамильский завод, в 23 верстах от Екатеринбурга. Население в страхе разбежалось кто куда.

Башкиры догоняли убегающих, метали в них копья и стрелы.

Башкиры кричали:

— Ступайте домой. Срок ваш кончился. Отцы наши, которые отдали вам землю, умерли, а мы не хотим более уступать вам ее!..

В 1724 году у башкир были отняты леса и подразделены на «заповедные» и «незаповедные».

А когда в 1735 году правительство начало строить город Оренбург в глубине башкирских земель, башкиры подняли большое восстание.

Башкир Тойгильда Жуляков ненавидел русских захватчиков.

Когда вспыхнуло восстание, Тойгильда вооружился копьем, взял лук и колчан со стрелами, сел на малорослую, но быструю лошадь.

Восставшие башкиры дрались отчаянно. Но царские войска победили их. У русских было огнестрельное оружие, были вымуштрованные солдаты, офицеры.

Начальник горного войска Татищев жестоко расправился с восставшими. Он приказал бить подстрекателей кнутом, вешать их.

Большая часть Башкирии была выжжена и разорена.

Тех пленников, которые попадались с оружием в руках, но не были уличены в убийстве русских, приказано было отправлять в города, где их сажали в тюрьмы или делали крепостными.

Тойгильда был захвачен с оружием в руках. Его привезли в Екатеринбург.

В тесном городе Тойгильда тосковал по зеленой горячей степи. Тосковал по своей семье. Дома остались жены и ребятишки.

Тойгильда хотел бежать из города, но не мог. Город окружали стены. На крепостном валу стояли часовые.

И вот Тойгильда согласился принять православную веру, креститься. Он видел, что крестившихся башкир отпускали на волю.

Поп прочитал над ним молитвы. Тойгильда три раза погрузился в воду. На шею ему надели гайтан с медным крестом. После этого Тойгильда стал свободным.

На прощанье поп сказал ему:

— Крещеному человеку не подобает иметь двух жен. Ты должен быть с одной женой. Приведи свою жену, мы и ее окрестим. А вторую жену прогони. Да волосы не брей. Христианину не подобает быть бритолобым.

Тойгильда выслушал приказание молча и отправился в путь. Шел он долго; ичиги разорвались, пришлось их бросить. Но, идя на израненных ногах, Тойгильда был радостен.

Возвратившись домой, он сбросил крест, обрил заросшую волосами голову и снова перешел в магометанскую веру.

Начальник Екатеринбурга, узнав об этом, приказал:

«Тойгильду за то, что, крестясь, принял паки мухаметанский закон, на страх другим, при собрании всех крещеных татар, сжечь, а жен и детей его собрав, выслать в русские города для раздачи. Из оных двух прислать мне.

В апреле Тойгильду схватили и привезли в Екатеринбург. На площади Екатеринбурга врыли столб, окружили его кучами дров и хворостом. К столбу привязали Тойгильду.

В кольцо солдат стояли крещенные башкиры, татары и русские крепостные. Руки их невольно сжимались в кулаки, но помочь Тойгильде было невозможно.

Вот поднесли факел. На площади стояла такая тишина, что было слышно, как затрепал хворост.

Быстро вспыхнули смолевые дрова.

Тойгильда безумно закричал, но крик его быстро смолк. Тойгильда задохнулся дымом.

Так был сожжен Тойгильда Жуляков.

ЕКАТЕРИНБУРГ НАСТОРОЖИЛСЯ

В октябре 1774 года особым приказом было увеличено число часовых. Около города выставили пикеты. По дорогам ездили вооруженные разведчики. Командир Горной канцелярии Бибилов приказал создать команду из заводских рабочих и обучать их ружейной стрельбе.

По Волге и Уралу началось пугачевское восстание.

Уральские мастеровые сотнями вливались в ряды восставших. Пугачев обещал освободить их от обязательных работ на заводе и дать волю.

На заводах лили пушки и ядра для армии Пугачева.

Помощники Пугачева — Белобородов и Хлопуша — были уральскими рабочими. Белобородов привел с собой большой отряд рабочих. Он и наладил отливку пушек. А в боях он руководил артиллерией.

К Пугачеву примкнули уральские башкиры и татары. Ими руководил Салават Юлаев.

Екатеринбург насторожился. Торговцы раньше обычного отправлялись домой, повесив на двери бревенчатых лавок тяжелые замки.

Ворота запирались тяжелыми засовами, окна — створчатыми ставнями.

Замутились крепостные. Работать стали спустя рукава.

Поползли слухи:

«Пугач близко. Сила с ним несметная... и башкиретины, и русские. Заводские люди ему ядра льют и пушки. Пугач сулит волю и освобождение от работ».

Начальство встревожилось.

В город один за другим приезжали нарочные с горных заводов. Они сообщали, что Пугачев двигается к Екатеринбургу с несметной силой.

Бибиков собрал горных чиновников и офицеров гарнизона и сказал им:

— Вам известно, что Пугач явился под Яицким городком всего (с) тремя сотнями мятежников. А по истечению трех недель он имеет у себя три тысячи пехоты и конницы... и более двадцати пушек... Не мало приписных крестьян и башкир пристало к вору... Вор этот взял уже Илецкий городок, Рассыпную, Нижнеозерную, Татищеву, Чернореченскую, Сакмарский городок и Пречистенскую. Мятежные полчища множатся... Башкирские жилища близко от Екатеринбурга. Приписные ропщут. Военной силы у нас мало. Пять раз я писал Декалонгу*. А ответа все нету. Придется нам с божьей помощью обороняться самим... Пугачев что! Не Пугачев страшен, а недовольство народное.

Бибииков послал чиновников по селениям «разъяснить» крестьянам о Пугачеве. Он поднял на ноги горное войско, мобилизовал рабочих и даже горных чиновников.

Член Екатеринбургской горной канцелярии Башмаков был командирован в Пермскую провинцию. Он приложил все усилия к тому, чтобы помешать Пугачеву войти в Кунгур. Не жалел ни средств, ни людей для защиты города.

После этого он выступил в роли карателя. Когда на Анненском заводе были пойманы мастеровые,

* Декалонг — начальник сибирских войск.

которые «подстрёкали» к бунту, Башмаков приказал «зачинщика Антона Голубина убить, 36 человек выпороть плетьюми и 11 кнутом».

У населения отобрали сабли, копыя, косы и даже топоры. Оставлено было по одному топору на каждые пять дворов!

За это «усердие» царское правительство наградило Башмакова чинами.

В первых числах января в Екатеринбург приехал гонец из Кыштыма.

Вот что рассказывал он:

— Мятежники захватили оба завода. О отобрали деньги из заводских контор. Пожгли все деревянные заводские устройства и господский дом... А четыре сотни кыштымских крестьян, забравши две пушки, ушли с мятежниками.

А нарочный из Каслей доносил:

— Деревянную церковь, все заводские устройства, около трехсот домов и конный завод — все пожгли и разорили мятежники!

Пугачевцы взяли уже заводы: Сергинский, Бисертский, Шайтанский, Уткинский, Сылвенский, Билимбаевский. Пугачевские войска двигались к Екатеринбургу.

Бибиков сбился с ног.

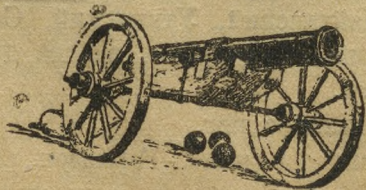
Боевых припасов мало. Гарнизон слаб. А на команду заводских рабочих полагаться трудно:

вдруг, да в решительный момент команда повернёт дула не в сторону мятежников, а на своих начальников?

Бибииков нередко ночью обходил укрепления — проверял сторожевые посты. В те дни ружья и пушки оставались заряженными, а люди должны были собраться по первому тревожному сигналу.

Но вот приехал нарочный из Сысерти. Он сообщил, что пугачевцы напали на Сысертский завод и были разбиты. Обороной руководил владелец завода Турчанинов. Впоследствии Турчанинов за эти «подвиги» получил потомственное дворянство.

Когда правительственные войска победили Пугачева, Бибииков принялся «наводить порядок» на горных заводах. Он посылал команды солдат и «надежных мастеровых», под охраной которых велись работы по восстановлению заводов. Чиновничество и офицерство зорко следило за «состоянием умов». «Подстрекателей» били, сажали на цепь, убивали.

Пушка времен Пугачева

ГОРНОЕ ЦАРСТВО

ГОРОД САМОЦВЕТОВ И САЛА

Екатеринбургу «стукнуло» восемьдесят лет. Город разросся, крепости уже не было: ее деревянные стены разрушились. Площадка бывшей крепости оказалась в центре.

В Екатеринбурге жило десять тысяч человек. Он носил герб: серебряная плавильная печь на зеленом поле. Екатеринбург стал областным городом.

Но что это за областной город?

В нем стояло только два училища и два госпиталя.

Зато насчитывалось тринадцать кабаков и пять церквей.

Куда ни взглянешь — всюду деревянные постройки. Из двух тысяч только сорок домов было каменных. Они стояли в центре. В них жили купцы и чиновники.

Остальные дома — деревянные. Да и какие это дома? Двухоконные, трехоконные избенки, иногда пятистенный дом с крашеными ставнями.

Частые пожары пожирали целые кварталы. Пожарников не было. Боролись с пожарами мастера и ремесленники. Они были разбиты на десятки. Заслышав тревожный звон набата — каждый бежал на пожар: кто с багром, кто с топором, кто с ведрами.

Издали город казался пестрым. Блестели кресты церквей. Спокойной чашей стоял пруд. Белели дома купцов. Высились казенные здания: магистрат, ратуша, монетный двор, горная экспедиция «каменной ломки и прииска цветных камней».

Время от времени из Екатеринбурга в Петербург отправлялись караваны с тяжелым драгоценным грузом. Караваны охранялись вооруженными солдатами.

Это увозили с гранильной фабрики прекрасные изделия из яшмы, малахита, кварца, горного хрусталя для украшения императорских дворцов, парков и придворных церквей.

Первым гранильным мастером Екатеринбурга был швед поручик Реф, присланный сюда в 1726 году.

Рефу приказали разыскивать самоцветы и учить русских камнерезному и гранильному делу.

Реф научил русских делать мелкие вещи главным образом из горного хрусталя.

Через 12 лет со времени приезда Рефа в Екатеринбург был прислан мастер Райнер, который занялся обработкой мрамора. После Райнера гранильным делом руководил русский механик Бахирев. При нем и была построена гранильная фабрика, которая называлась тогда «Шлифовальной мельницей». Ее построили на плотине. Сила воды приводила в движение станки.

С весны 1765 года образовалось особое начальство, которое ведало гранильным делом. Выписали мастеров из Италии. Начали разведку месторождений.

С той поры появились в Екатеринбурге горщики — охотники за уральскими самоцветами. Горщики приносили дымчатые топазы, прозрачно-голубые аквамарины, желтые бериллы. Они, не жалея ног, исходили не только окрестности Екатеринбурга, но и отдаленные горы.

Не все самоцветы попадали на шлифовальную мельницу. Много развелось в Екатеринбурге частных гранильщиков. Искусные это были мастера. Граненая и резная обработка камня была изумительно тонкой.

Камнерезным делом Екатеринбург славился на всю Россию.

Кто населял столицу Урала?

Здесь жили и потомки строителей города — приписных, солдат, мастеровых и потомки пленных шведов, и ссыльные, и бежавшие из Руси раскольники.

Особенно много было раскольников. Здесь их называли «кержаками», потому что большинство пришло на Урал с реки Керженца. Называли их и «двоеданами», так как правительство брало с них двойную подать, а раскольничью веру, в Екатеринбурге называли шарташской, потому что близкая деревня Шарташ состояла из одних раскольников.

За «совращение в раскол» полагалась страшная кара. Еще во времена Геннина был отдан приказ:

«Ежели такие староверы явятся, что приводить в свою веру иных будут, или перекрещивать станут, то таких ловить и бить кнутом нещадно и посылать в вечную работу, на каторгу с вырезанием ноздрей».

В 1725 году на екатеринбургского жителя Тита Серебрякова поступил донос, что он с женой принял «шарташскую веру» и сговаривает перейти в эту веру своего работника Ермолаева.

Вызвали на допрос Ермолаева. Он сказал, что к Серебрякову, ночами приходит «керженец» Гряз-

ной с товарищами. Когда они приходят, хозяева занавешивают окна, чтоб свет не проник в щели ставен, вынимают тяжелые, обтянутые темной кожей, священные книги и читают их.

Стали допрашивать Грязного, не он ли совратил Серебрякова в раскол.

Грязной не сознался.

Серебряков на допросе подтвердил, что Грязной тут не при чем. Он сказал:

— Я своею волею уклонился от православия.

Грязного все же избили батогами. А Серебрякова отодрали кнутом и приговорили к каторжной работе.

Ему сказа́ли:

— До тех пор будешь на каторжной работе, пока в истинную веру не обратишься.

Серебряков испугался кнута и каторги. Он заявил:

— Я ныне пришел в совершенный разум и желаю быть в православной, истинной вере.

Тогда его освободили.

Чем дальше, тем тяжелее становилось житье староверов. Приходилось «умасливать» взятками чиновников, платить двойную подать, а тут еще тобольская консистория берет последние гроши.

Тобольская консистория посылала в раскольничьи деревни Исетского округа: Шарташ, Ста-

новую, Сарлапушку, священников с воинскими командами. Кержаков хватали, увозили в Тобольск, вымогали взятки, сажали в тюрьму.

В феврале 1761 года полторааста крестьян деревни Кузиной собрались в большую избу и, заперев плотно двери и окна, подожгли ее.

Они не могли больше вынести гнета и насилий и предпочли сгореть живьем.

Постоянная борьба с чиновниками и попами научила кержаков изворотливости.

Екатеринбург сделался крепким раскольничьим гнездом.

Среди екатеринбургских раскольников были искусные заводские мастера, было много ремесленников: хлебники, мыловары. Они оказались полезными людьми в городе.

Некоторые из ремесленников сделались впоследствии богатыми купцами.

Происходило это так:

Сколотит ремесленник малую толику, деньжонок — расширит свое производство. Наймет рабочих, возьмет учеников. Рабочим платит гроши, а ученикам и совсем ничего не платит, только кормит их и одевает. Глядишь, он уже открыл маленький заводик.

Эти маленькие заводики давали хозяевам большую прибыль.

За мостом на Александровской улице, на заимке выросли салотопные, мыловаренные, солодовенные, кожевенные заводы.

Раскольники Рязановы, Зотовы, Расторгуевы, Толстиковы, Казанцевы, Тарасовы сделались крупными богачами.

В Екатеринбурге рос промышленный капитал.

СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО

Однажды шарташский кержак Ерофей Марков, разыскивая в окрестностях Екатеринбурга горный хрусталь, нашел кусок кварца с вкрапленными в него блестящими зернами золота. Марков принес этот кусок знакомому серебряных дел мастеру. Тот раздробил камень и выплавил в тигле золотой слиточек.

Марков явился со слиточком в Горную канцелярию. Чиновники страшно обрадовались, похвалили Маркова и снарядили разведку.

Но разведка не обнаружила золота в указанном месте. Разведочная партия была неопытной и не сумела открыть месторождение.

Горная канцелярия заподозрила, что Марков намеренно скрыл место находки. Его посадили под арест, угрожали ему наказанием, вплоть до смертной казни. Марков дал клятву, что если он найдет

место, сейчас же донесет об этом в канцелярию.

Марков проклинал себя за то, что связался с Горной канцелярией. Он напрасно ходил по горам, разыскивая золото.

Золото нашел не он, а пробирный мастер Рюмин два года спустя. Впоследствии на месте залежей выстроили Березовский золотопромывательный завод.

Вскоре было найдено золото и на Верхисетской даче, на речке Мельковке. Маленькая девочка Катя Богданова купалась в речке и нашла золотой самородок. «Камешок» ей понравился. Она принесла его домой. Отец показал находку заводскому управителю Полузадову. Полузадов оторопел. Завод стоял на казенной земле. Если Горная канцелярия узнает о находке золота, завод могут отобрать в казну. О находке никто не должен знать.

Полузадов приказал высесть Катю розгами для острастки и запретил ей и ее отцу рассказывать о золотом самородке.

Но слухи о найденном золоте все же поползли по городу.

*

Ночи екатеринбургского богача Аники Рязанова стали тревожными. Не радует Анику бойкая работа салотопного завода, не радуют барыши.

На Урале открыто золото! Золото — великая приманка: оно дает власть, могущество...)

Но золото, найденное на казенной земле, разрабатывает казна, на частной — владельцы.

У Аники Рязанова нет земли. Негде искать золота.

— Дяденька, — говорит Аника своему дяде Якиму тоже заболевшему золотой лихорадкой, — а ежели нам счастья в Сибири попытать?

И Рязановы снарядили разведочную партию, во главе со знающим и надежным человеком — Баландиным.

По Сибирскому тракту, по ухабистым проселочным дорогам, по таежным тропинкам, на телегах, верхом, пешком пробиралась партия разведчиков.

Ловкий человек был Баландин. Он не жалел ни денег, ни угощения, выспрашивая сибиряков.

И вот ему указали на речку Кундустуюль.

Партия добралась до реки, начала копать шурф. Кто копает, кто носит землю, кто ставит жолоб для промывки.

Дно жолоба устлали дерном. Дерн прижали деревянными брусками.

Кидают лопатой песок в жолоб. Сильная струя воды смывает ил, сбивает напором гальку. Куча песка тает.

— Подымай жолоб!

Подняли. Вытащили бруски и дерн. Разрыхлили дерн, вытрясли его в большой глубокий ковш.

Сам Баландин взял тяжелый ковш, наклонился над рекой, зачерпнул воды, побалтывает.

— Разрыхляй дерно... Мни руками, говорю...

От раздавленных комьев земли замутилась вода. Ржавая жижа плещется в ковше.

Баландин осторожно слил мутную воду, зачерпнул свежей. В ковше — мутный черный осадок.

Снова Баландин опустил ковш в реку. Держа в наклон, побалтывает. Вот вышла последняя муть. На дне — горсть черного тяжелого шлиха.

Опять Баландин поддевает воды, покачивает ковш. Шлих перемещается, обнажая густо лежащие золотые бисеринки.

— Богато! — охрипшим голосом сказал Баландин.

Он не ошибся. Вышло так «богато», что устроенный здесь прииск давал в день по пуду золота.

Вслед за Рязановыми попытались счастья в Сибири Казанцевы и Зотовы.

Потекли в Екатеринбург миллионы.

Но недолго тянулись золотые дни Екатеринбурга.

Первая волна золота прошла. Новые поиски и заявки требовали расходов. Коренные сибиряки заводили с екатеринбуржцами тяжбу, судебную волокиту. Сибирская администрация тоже, как

могла, противодействовала екатеринбургским промышленникам.

Почти все екатеринбургские золотопромышленники разорились.

ГРИГОРИЙ ЗОТОВ

Осенью 1824 года в Екатеринбург приехал император Александр I. Он остановился в доме богача заводчика Расторгуева.

Александр осмотрел город, гранильную фабрику, горную лабораторию, монетный двор и завод. Осмотрел и Верхисетский завод, принадлежавший в то время корнету Яковлеву.

Особенно понравилось ему, на Верхисетском заводе. Завод работал бойко и приносил большую прибыль.

Царь спросил:

— Кто же довел завод до такого совершенства?

— Ваше величество, — сказал, почтительно склонившись, управляющий заводом, — это плоды рук бывшего кричного мастера Григория Зотова.

— Позвать этого мастера ко мне, — сказал царь.

В то время мастер Зотов был уже свободным и богатым человеком. Он женил сына на дочери владельца Кыштымских заводов Расторгуева и управлял этими заводами.

Вечером Зотова привели к царю.

Неслышно ступая по мягким коврам, сплошь устилавшим комнату царя, вошел кряжистый, высокий Зотов. Он не был смущен. Орлиные глаза его в упор взглянули на царя. Зотов степенно поклонился и вновь гордо поднял курчавую седеющую голову.

— Любезный Зотов, — начал царь, — скажи мне истинную причину, почему мои заводы здесь вообще гораздо хуже частных заводов и в особенности хуже Верхисетского?

— Ваше величество! На казенных заводах много начальников, и заводские люди в большой нужде, ибо задельная плата весьма недостаточна. А у нас на заводе начальник один, хорошо знает каждого рабочего, знает его нужды и способности, а задельная плата вдвое больше, чем на казенных заводах.

Через три года после посещения царя приехал в Кыштым граф Строганов, чтобы выяснить причины постоянных волнений на заводах, где управлял Зотов.

И вот что написал он в своем акте:

«Со времени управления Зотовым расторгуевскими заводами усилена добыча золота и усовершенствована выплавка железа, но не заведением новых машин или особенными средствами, а несообразным усилением работ, жестокостью и тиранством».

Зотов, вместе с заводским исправником, сочинил ложное донесение, будто бы завод благоустроен и рабочим живется хорошо. В этом донесении говорилось, что рабочие взбунтовались «по одному, заблуждению и невежеству».

Мало того, Зотов, путем угроз и побоев, вынудил крестьян дать повальную подписку, подтверждающую его донесение.

А когда крестьяне через своего выборного подали заводскому исправнику прошение о том, что подписка была вынужденной, выборного жестоко избили и посадили под стражу на четыре месяца.

При посещении Кыштымского завода царю Александру I подано три жалобы от носельщика Седельникова, крестьян Батина и Назаровой.

Вскоре после этого Седельников был найден мертвым в лесу. Назарову посадили под караул и вынудили ее отказаться от жалобы. О просьбе же Батина царю сказали, что этот крестьянин жалуется на обиды, которые ему были нанесены еще при жизни управителя Расторгуева.

Правительственные чиновники несколько раз приезжали на Кыштымский завод, но им замазывали рты щедрыми подачками. Сам граф Строганов признает, что «большая часть ревизоров обращалась только к угощению и экстраординарной сумме приказчиков».

Все это — неполный список злодеяний Зотова.

Вскоре штейгер Хлобыстин донес, что за одно намерение подать царю прошение застрелены, по приказанию Зотова, два крестьянина. Убийство произошло в присутствии заводского исправника.

ГОРНОЕ ЦАРСТВО

Странно было бы представить себя живущим в столице Урала — в Екатеринбурге пятидесятых годов прошлого столетия.

Здесь не было и помина о железной дороге, телеграфе. Почта приходила с «оказией». Не было керосиновых ламп. В домах горели сальные свечи. Ситцы и самовары были привилегией богатых. Новые дома золотопромышленников поражали роскошью, а лачуги рабочих — жалким видом.

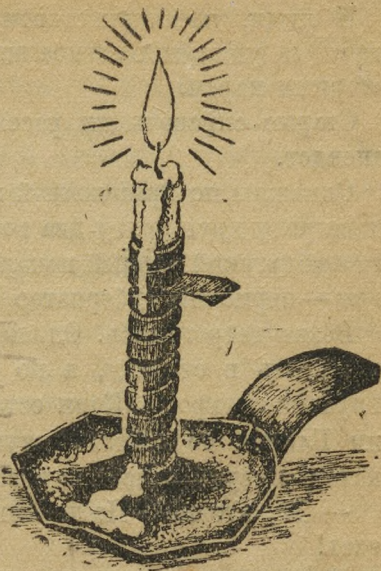
Горное начальство ввело на заводах военные порядки. Рабочего, который совершил уголовное преступление, например кражу, судили суровым военным судом.

Заводские мастерские разделялись тогда на «нижних чинов» и «рабочих чинов». Нижние чины сравнивались с унтер-офицерами, а рабочие чины — с рядовыми военной службы. Они обязаны были прослужить на заводе «беспорочно» тридцать пять лет и только после этого получали отставку.

Новорожденные мальчики вписывались в общий список заводских людей. С восемнадцати лет они обязаны были поступить на завод.

Заводы и села были в полной зависимости от Горного правления. В распоряжении Горного правления находились „подвижные инвалидные роты“, которых направляли на заводы, как карательные отряды.

«Горное царство» охватывало обширные пространства, занятые заводами, рудниками, селами и деревнями.

В домах Екатеринбурга горели сальные свечи

Таковыми ножницами снимали нагар со свечи

И люди, населявшие эти пространства, трепетали и униженно сгибались перед 'вsesильным «горным царем».

Старые справочники рассказывают любопытный анекдот.

Однажды по проселочной зимней дороге неслись навстречу друг другу два возка. В одном ехал екатеринбургский горный начальник Глинка, а в другом — пермский губернатор Огарев.

Возки встретились. Одному из них приходилось своротить в сторону, а по бокам дороги лежали глубокие сугробы. Кони остановились. Ни Огарев, ни Глинка не хотели уступать. Наконец, губернатор, высунувшись из возка, крикнул:

— Эй, кто там? Посторонись! Уральский хребет едет!

Глинка откинул высокий меховой воротник и внушительно произнес:

— А у меня едет... вся уральская шкура.

И важный губернатор приказал кучеру своротить в сугроб и скромно сидел в возке, пока Глинка проезжал мимо.

Глинка вел себя, как диктатор. Ему подчинялось все.

Горному правлению была дана огромная власть. Горное правление принимало указы только от царя и правительствующего сената.

Екатеринбург был «государством в государстве».

Здесь были свои законы, свой суд, свое войско. Здесь царил полный произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения.

Глинка был грозным и жестоким человеком. Не даром его прозвали «горным царем».

ВОЛЧЬЯ ВОЛЯ

В начале 1861 года по заводам прокатился слух о воле. Говорили, что царь хочет освободить крепостных, дать рабочим земельный надел. Рабочие ждали царского манифеста, как светлого праздника. Наконец он пришел.

Рабочие ликовали. Думали, что наступает другая — вольная жизнь.

А заводчики тревожились. Им не хотелось терять даровых рабочих. Не хотелось и дробить своих дач. Они боялись, что мастеровой, получив волю и землю, займется сельским хозяйством. Кто же по своей охоте станет маяться на огненной работе?

И заводчики послали представителя в Пермь.

В Перми в это время заседал дворянский комитет. Он составлял «проект положения по крестьянскому делу».

Представитель уральских заводчиков явился в комитет и сказал:

— Нашим рабочим не следует давать пахотной земли. Они в ней не нуждаются. Их обеспечивают заводские работы.

И дворянский комитет постановил: мастерам дать по десятине покоса да по клочку земли для дома.

Так мастеровых привязали к месту. «Вольные» люди остались прежними рабочими. Им пришлось работать на заводе. Но, кроме мастеровых, были еще сельские работники. Они тоже зависели от завода: жгли уголь, возили руду и дрова.

Заводчики сумели вывернуться и здесь.

Чтобы не отдавать пахотной земли, не терять рудовозов, углежогов и дроворубов, заводчики перечислили две трети сельских работников в разряд мастеровых. А раз ты мастеровой — получай только десятину покоса да клочок усадебной земли!

Голодные крестьяне оказались тоже привязанными к заводу.

А чтоб окончательно отбить охоту к земельным наделам, управители и приказчики пустили слух:

— Те из бывших рабочих, которые примут наделы, снова будут закрепощены!.. Об этом вышло дополнительное правило.

И крестьяне, собравшись на сходы, стали отказываться от наделов.

Они боялись попасть «в крепость»

И О Д И О Л Ь Е

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА

Поднимитесь на Вознесенскую гору — старого Екатеринбурга! Вы, как на ладони, увидите город.

Вдали — синеватая дымка Уральского хребта. Вблизи — широкий Исетский пруд. На бывшей заимке стоят палаты заводчиков. Торговая сторона так и осталась торговой. Здесь магазины и дома купцов.

Слобода Мельковка слилась с городом. В ней живут мещане.

Тут и там высятся церкви. Их пятнадцать.

В центре — белый Екатерининский собор, зеленый кафедральный, розовый «Златоуст». На горе — Вознесенская церковь. На окраине, за высокой стеной — монастырь.

В Екатеринбурге уже пять с половиной тысяч строений.

Столице Урала — сто семьдесят пять лет. Еще четверть века, — и город будет праздновать двухсотлетие.

А теперь спуститесь с горы и поближе рассмотрите город.

Вот достопримечательности столицы Урала.

На плотине императорская гранитная фабрика. Рисунки тончайших изделий едва вмещаются в толстые альбомы. Но, как и сто лет назад, водяное колесо вращает шлифовальные круги.

Вот набережная и маленький сквер на плотине. Перила набережной сгнили, наполовину вывалились. Каменные столбы облезли.

В сквере стоят два бронзовых бюста. На одном бронзовый венок и надпись:

✓ «ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ I—
ОСНОВАТЕЛЮ ГОРНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ».

Второй бюст женский. Пухлое, капризное лицо, брови дугой. Круглые плечи. Это жена Петра. На памятнике надпись:

✓ «ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ—
ОСНОВАТЕЛЬНИЦЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА».

Маленький сквер без присмотра. Из сквера по булыжной мостовой можно пройти к кафедральному собору. Возле него стоит литой чугунный памятник Александру II, тому самому, который дал «волю» уральским горнякам.

Вот тянутся сверкающие витринами магазины.
Вот пошли дома купцов, золотопромышленников,
горных инженеров, банковских дельцов. И вдали
показался обнесенный стеною Новотихвинский
девичий монастырь.

Куполы шести церквей поднимаются из зелени.
Кладбище похоже на сад.

Над могилами богачей стоят грузные мраморные
памятники.

Монастырь богатеет не только от «доброхотных
даяний» и платы за церковную службу.

Монастырь торгует.

Продаются золотошвейные рукоделия, иконы, вя-
зания, восковые свечи.

Из-за восковых свеч воинственная игуменья
Александра вступила однажды в борьбу с екатери-
нбургскими свечными торговцами.

Свечи для церквей закупали церковные старос-
ты. А эти старосты обычно избирались из среды
купцов. Вот они и предпочитали покупать у тех,
с кем связаны торговыми делами.

Игуменья пожаловалась архирею. Архирей
строго приказал:

— Покупать свечи в девичьем монастыре!

Но старосты упорно не хотели подчиняться, тем
более, что свечные торговцы снизили цену на
товар.

Игуменья подала прошение в казенную палату, и только после решения палаты монастырь смог бойко развернуть торговлю свечами.

Близ монастыря — богатый архиерейский дом и духовная консистория.

В архиерейском доме живет епископ и его штат — монашествующее духовенство.

Консистория управляет делами своей епархии.

Что еще посмотреть в столице Урала? Гимназии? Дом горного начальника? Театр?

Но в театр лучше не заглядывать. Один приезжий прямо сказал:

— Ваш театр похож на заброшенную конюшню.

Есть в городе, кроме императорской гранильной, еще несколько фабрик и заводов. Ими владеют местные богачи. Братья Макаровы и Первущин владеют большими мельницами, Береневы — котельным заводом, Войтехова — машиностроительным, Логинова — спичечной фабрикой, Ятес — механическим заводом.

На всех этих фабриках только десять паровых машин, два водяных колеса и два конных привода.

Низкие, тесные цехи Верхисетского завода полны дыма, копоти и пыли. Дым и пыль облаками поднимаются у прокатных станков. Вечером для освещения цехов разводят костры.

А теперь прогуляемся по окраине.

Здесь нет булыжной мостовой, нет фонарей, нет даже деревянных тротуаров. В дождливую пору улицы покрыты сплошной массой грязи.

Городская управа считала, что рабочие окраины не требуют мощения. По улицам разъезжают водовозы. Они продают воду.

Перед праздниками, когда в домах идет уборка, вода дорожает.

Управа двадцать лет собиралась построить водопровод. Потом раздумала. Она решила:

— Устройство водопровода в настоящее время затруднительно по недостаточности городских средств и в виду того, что водоснабжение у нас поставлено в сравнительно еще сносные условия.

Вечерами в домишках рано гаснут огни. Только окна шумных кабаков светят всю ночь. Да не засыпают постоянные дворы. Ворота их открыты день и ночь. На дворах стоят телеги с поднятыми вверх оглоблями. Это крестьяне ближних сел приехали, чтобы продать сено, дрова, масло, сметану.

Войдите в дом рабочего.

В нем тесно и грязно. Пахнет кухней, пеленками, помоями.

На каждого рабочего Екатеринбурга приходится в среднем только по три квадратных метра площади.

Центр живет своей жизнью, окраина — своей.

Рабочий — редкий гость в центре. Обитатели богатых домов и не заглядывают в рабочие кварталы.

Центр косится на окраину, где собираются «крамольные» кружки, ходят по рукам запрещенные книжки, где ночами на заборах расклеивают листки о том, что «богачи жиреют за счет рабочих».

1905 ГОД

Жандармы давно знали, что на Урале есть тайные революционные кружки. Шпики приносили им «крамольные листовки», рассказывали о «подозрительных личностях», которые сеяли смуту. Тут и там на заводах вспыхивали стачки, забастовки. Начались аресты. Жандармы бросали в тюрьму «крамольников».

Несколько раз шпикам удавалось выследить весь «преступный кружок». Тюрьмы переполнялись «политическими».

В 1903 году екатеринбургский прокурор писал пермскому губернатору:

«Предстоит не мало хлопот приискать дом для помещения арестованных, так как в тюрьме нет мест. Ну, никто как бог! Клетку найдем, лишь бы птицы были».

А подпольная работа все-таки шла. Разгромят один кружок, а вместо него вырастает два.

Росли кружки и в других городах на Урале: в Перми, Златоусте, Уфе, Кунгуре. Вскоре эти революционные рабочие группы и кружки влились в партию большевиков.

К 1905 году в Екатеринбургe окрепла сильная большевистская партия.

Большевиками велась широкая кружковая работа среди рабочих и крестьян.

В кружках вырабатывались самостоятельные агитаторы. Им поручали ответственные работы: самостоятельно вести кружки, распространять литературу.

В январе 1905 года революционное движение на Урале усилилось.

Весть о «кровавом воскресеньи» (9 января 1905 года) взволновала рабочих.

В феврале по всем заводам было вывешено объявление министра финансов.

Министр просил «братцев рабочих» не бастовать.

А Уральский комитет российской социал-демократической рабочей партии выпустил листовки. Он призывал не верить царскому правительству и влиться в волну рабочего движения.

В феврале забастовало три с половиной тысячи

лысьвенских рабочих. В марте — рабочие Алапаевского завода. В апреле — чусовские рабочие. Прошли забастовки и в других заводах:

Рабочие требовали:

Увеличить заработную плату.

Ввести восьмичасовой рабочий день.

Дать свободу собраний и слова.

Заводчики испугались дружных выступлений рабочих и пошли на уступки. Часть требований была выполнена.

Первого мая по всему Уралу прокатились демонстрации. Большевики умело руководили заводскими кружками.

В этот день три тысячи екатеринбургских рабочих вышли на улицу. Они двинулись по проспекту с пением революционных песен.

Через три дня на зеленом верхисетском кладбище собралось около шестисот человек.

На кладбище состоялось собрание рабочих Верхисетского завода.

Ораторы призывали рабочих к забастовке. Они говорили, что настало время решительной борьбы.

И рабочие решили идти всем собранием на механический завод Ятес.

На этом заводе часть рабочих бастовала, а большая часть — старики — работала. Вот и хотели снять с работы всех.

Пошли с шапкой собирать деньги в помощь бастующим.

Потом все участники митинга построились в ряды и с песней пошли к заводу:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Когда рабочие подходили к заводу, у харитоновского сада появились верховые полицейские, а за ними полурота солдат.

Заводские ворота были накрепко закрыты. Полицейские въехали в толпу, и принялись было избивать рабочих нагайками.

Демонстрации повторялись несколько дней подряд.

Начались забастовки. Бастовали рабочие Верхисетского завода, завода Ятес, фабрик Логинова, Афонина и других частных заводов.

Одиннадцатого мая в город вошли казачьи отряды, чтобы восстановить порядок.

Забастовка прекратилась.

Летом большевики снова устроили демонстрацию. В ней приняли участие почти все рабочие екатеринбургских предприятий.

Они собрались около фабрики Панфилова на Златоустовской улице. А оттуда демонстрация на-

правилась в центр города. Прошли по Покровскому проспекту, по Угтусской улице.

Приближаясь к полицейскому управлению, демонстранты выкинули небольшое красное знамя. Чей-то глубокий сильный голос затянул:

Много песен слышал я в родной стороне,
Не про радость, про горе в них пели.
Но из песен одна в память врезалась мне:
Это песня рабочей артели.

И сотни демонстрантов подхватили:

Эй, дубинушка, ухнем! Эй, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!..

А миновав полицейское управление, демонстранты зашли «запрещенную»:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!

Демонстрация прошла по главному проспекту, и направилась на макаровскую фабрику снимать рабочих.

Где же была полиция? Почему, она не разогнала демонстрацию?

Полиция присутствовала здесь, но была беспомощна. Она не подготовилась. Демонстрация застала ее врасплох.

По бокам улицы и позади демонстрантов шли полицейские чины, во главе с полицмейстером.

Важный полицмейстер растерялся до того, что выйдя на сенную площадь, начал просить демонстрантов:

— Господа! Разойдитесь, ради бога! Я с утра ничего не ел.

В толпе засмеялись. В ответ послышались голоса:

— Ничего, ваше благородие, мы сами не каждый день едим.

— Мы тебя, ваше благородие, не держим. Поезжай домой! Мы и без тебя дорогу найдем!

Рабочие макаровской фабрики все вышли на встречу демонстрации. Демонстранты пошли обратно в город с пением революционных песен на глазах растерянной полиции.

«ТЕХНИКА»

На окраине Верхисетска стоял маленький, ветхий домик.

В нем было всего два тусклых окна. Стены покосились. Пол покоробился. Низко навис закопченный потолок. На стенах висели изодранные обои.

Здесь поселились муж и жена Краевы; с ними жил и брат мужа — горбатый, низенький человек.

Жильцы не заботились об удобствах и уюте. Муж и брат решили спать на полу. За занавеску в угол втащили кровать.

Посреди комнаты поставили стол и два стула. На столе разложили бумагу, книги, счета. Можно было думать, что здесь живет конторщик, который берет работу на дом.

Но никто из жильцов не прикасался к счетам и конторским книгам. Почти все время семья проводила в углу за занавеской.

Слышался шелест бумаги и глухой равномерный стук. За занавеской стоял печатный станок.

Жильцы домика были членами одной семьи только по паспорту. В действительности здесь жили члены партии большевиков — «Федосейч», «Прохорыч» и Кин.

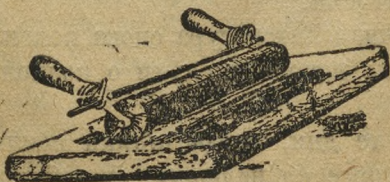
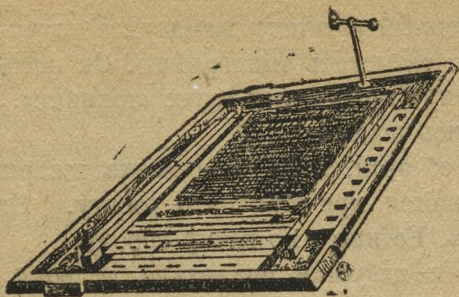
Они жили затворниками. Никуда не ходили. И к ним не приходил никто, кроме Клавдии Тимофеевны Новгородцевой.

Она являлась обычно вечером. А уходя, уносила тяжелые пачки, прикрыв их большой шалью.

Перед первым мая «семья» работала все ночи напролет. Клавдия уносила тяжелые тюки литературы.

На заводах появились листовки.

Они ходили из рук в руки. Пачку этих листовок шпики принесли в жандармское управление.

Подпольная типография.

Взбешенный ротмистр жандармского управления приказал разыскать типографию. Он пообещал награду тому, кто укажет адрес «техники».

Начались поиски.

Узнав об этом, Клавдия сказала товарищам:

— Придется приостановить работу. Схоронить «технику». Ее ищут по всему городу.

Ночью к избушке подъехала подвода. Станок увезли в лес и зарыли в землю.

«Семья» переселилась на дачу. Эта дача принадлежала тетке Клавдии — старушке Мыльниковой.

Когда полиция бросила поиски, станок выкопали и снова принялись за работу.

Работа почти целиком легла на одну Кин. «Федосеич» и «Прохорыч» уехали из Екатеринбурга. Помогала только Мыльникова. Кин набирала, устанавливала набор, закрепляла его и накатывала краску. Старушка подавала ей бумагу, и снимала оттиски.

Запрещенная литература снова появилась на заводах. Снова поползли слухи о подпольной типографии.

И вот в те дни, когда штики сбились с ног, а ротмистр потерял надежду, ему пришло письмо от «неизвестной личности» с предложением указать адрес «техники».

Ротмистр приказал выдать посреднику, принесшему письмо, 25 рублей, а «личности» — пятьдесят.

Полиция нагрянула на дачу и захватила Кин и Мыльникову за работой. Они печатали в это время брошюру «Пауки и мухи». Здесь же была и Новгородцева.

Начался обыск. Искали литературу, в шкафах, постели, в обивке мебели. Переворошили даже печную золу.

Полиция ликовала. Наконец-то неуловимая «техника» была в ее руках!

Ротмистр послал в Петербург, в департамент полиции шифрованную телеграмму. Он писал:

«Вчера арестовал большую типографию социал-демократов с готовым набором прокламации, около трех пудов шрифтов. Около пуда прокламаций, два пуда бумаги, шифрованные записки. Тут же взяты назвавшиеся женой учителя Анной Васильевной Краевой, мещанкой Александрой Федоровной Мыльниковой и известная Клавдия Тимофеевна Новгородцева. У последней обнаружен кроме того склад нелегальной литературы».

Кин, Мыльникову и Новгородцеву посадили в тюрьму, в корпус, где сидели уголовные.

Посадили в тюрьму и других большевиков.

Но подпольная работа не прекращалась.

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

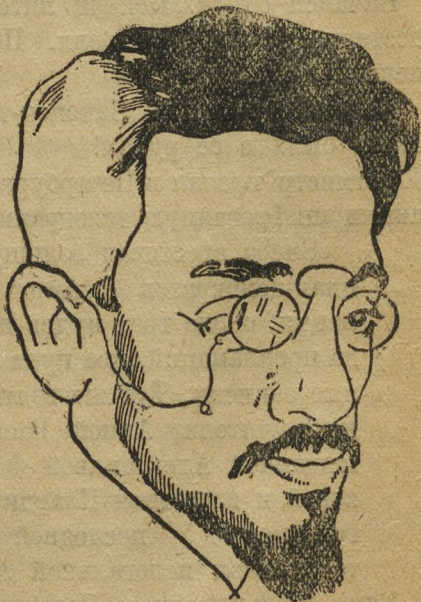
В пяти верстах от Екатеринбургā, в сосновом лесу, собралась конспиративная массовка.

Лунный вечер был прохладным, поэтому, развели костер. Собравшиеся сидели, разговаривали, смеялись. Вдруг незнакомый, необычайно сильный, громкий голос позвал:

— Товарищи! Сюда! Массовка начинается!

В ложбинке у костра, прислонившись спиной к сосне, стоял невысокий молодой брюнет. Блестели стекла пенсне. В руке дымилась папироса.

— Кто это? — спрашивали рабочие.

Яков Михайлович Свердлов
(с портрета Анненкова)

— Должно быть, Андрей, что приехал на-днях.

—Все собрались?—спросил Андрей. И начал речь. Такого оратора екатеринбуржцы еще не слышали ни разу.

Обычно доклады походили на лекцию. Андрей же говорил так страстно, что все почувствовали: это вождь, за которым пойдут массы.

Андрея командировал на Урал ЦК партии.

Он приехал в Екатеринбург опытным большевиком.

Когда ему было всего семнадцать лет, он уже попал в тюрьму за то, что принял участие в демонстрации революционеров Нижнего-Новгорода. А по выходе из тюрьмы целиком ушел в революционную работу. Ездил в Казань, Кострому и другие города, налаживал работу, связи, снабжал литературой.

Он был одним из руководителей сормовского восстания.

Настоящее имя Андрея — Яков Михайлович Свердлов.

После первой массовой весть о необыкновенном ораторе разнеслась по городу.

Вскоре Свердлова знал каждый революционный рабочий.

Андрей говорил:

— Без работы большевиков на фабриках и заводах нельзя добиться организованности пролетариата.

Свердлов выступал на митингах, посещал кружки, распространял литературу, ходил к рабочим на дом. Он не знал отдыха.

Одна подпольная работница рассказывает:

— Когда отдыхал он — никто не мог сказать. Пришел однажды ко мне на квартиру выбирать литературу (у меня был склад нелегальных книг). Подмышкой торчит краюшка хлеба и кусок колбасы. Пока выбирал — покушал. А потом снова пошел своими широкими шагами дальше...

Иногда Свердлов исчезал на несколько дней. Он ездил в Сысерть, в Тагил и другие заводы.

На Урале было мало опытных партийных работников.

Частые аресты опустошили партийные ряды. Товарищ Андрей и занялся «собранием сил».

Он сколачивал новые кружки, восстанавливал разгромленные комитеты Уфы, Перми, Екатеринбурга.

Но собрать силы — было мало. Следовало подготовить опытных партийных работников. Свердлов занялся и этим.

Свердлов беспощадно боролся с меньшевиками и эсерами. Доказывал, что они — помощники буржуазии, предатели рабочих.

Свердлов был одним из лучших организаторов большевистского подполья.

Всю ночь на 18 октября 1905 года екатеринбургские большевики печатали воззвания на гектографе. На другой день эти воззвания были уже распространены по городу и предприятиям.

Днем на кафедральной площади попы служили молебен. После молебна прочли царский манифест о «свободах». Выступило много ораторов, разъясняющих манифест.

После всех выступила большевичка Катя. Она сказала:

— Мы празднуем, радуемся, а товарищи, которые добились этого, сидят в тюрьме. Мы должны идти требовать, чтобы их освободили!

— Идем! Идем! — послышались ответные крики, и толпа двинулась к тюрьме.

Начальник тюрьмы разрешил делегатам, рабочих обойти камеры политических заключенных.

В тюрьме сидели Кин, Авейде и другие большевики Екатеринбурга.

— Скоро будете на свободе! — сказали заключенным делегаты. И закончив обход камер, они потребовали от начальника тюрьмы, чтобы он освободил политических.

— Без разрешения прокурора я сделать этого не могу, — ответил начальник.

Тогда толпа двинулась к прокурору. Прокурор предложил собравшимся разойтись.

— Я уже послал телеграмму на имя губернатора, завтра должен получить ответ,— сказал он.

Следующую ночь большевики снова провели без сна.

Опять печатали воззвания. Многие рабочие радовались успеху, «дарованным» свободам. Но товарищ Свердлов говорил:

— Рано радоваться, товарищи. Рано! Манифест — это провокация правительства.

Свердлов оказался прав.

На другое утро народ стал собираться к тюрьме.

Вот распахнулись ворота тюрьмы. Вышли освобожденные товарищи.

Раздались радостные крики.

Возвращаясь в город, пели революционные песни.

А ночью снова печатали воззвания — призыв на митинг.

Но большевики не одни готовились к митингу.

Готовился и «Народный союз» — союз врагов революции — черносотенцы.

Утром на площади у кафедрального собора собралось много народа.

В толпе было заметно какое-то движение.

Ходили переодетые черносотенцы. Какой-то человек, перебегая от группы к группе, вполголоса говорил:

— Как только начнут,— так и мы начнем...

Митинг открыл Свердлов. Он взобрался на опрокинутый ящик и сказал:

— Товарищи!..

Но едва он начал речь, как в толпе закричали:

— Долой его!

Свердлов спрыгнул с ящика. Вместо него поднялся большевик Бушен. Но и ему не дали говорить.

Кто-то пронзительно крикнул:

— Они богохульствуют!

— Бей их!..

Полицейстер махнул рукой. Это было сигналом.

Черная сотня с бешеным ревом кинулась на революционеров. Взметнулись палки, бутылки.

Хлопнули выстрелы.

Началось избиение. Площадь оцепили полицейские.

Толпа кинулась врассыпную.

На опустевшую площадь вышла процессия «истинно русских людей». Во главе шел архиерей Владимир.

За ним цопы, кушцы, семинаристы.

Они несли портреты царя и царицы, трехцветные знамена, хоругви и пели «Боже, царя храни». Ночью город не спал.

По улицам разъезжали казаки.

Обыватели жались к воротам и стенкам домов.

Черная сотня праздновала свою победу.

К концу октября по всей стране прокатилась волна черносотенных погромов.

*

Большевики знали, что свободы «дарованы» не надолго.

Они спешили собрать силы, чтобы быть готовыми к отпору.

Спешили втянуть в организацию как можно больше рабочих.

Митинги, собрания проходили с утра до поздней ночи.

Свердлов поспевал всюду.

В худом летнем пальто, в плохих сапогах он ходил под осенним дождем и снегом.

Послушать товарища Андрея собирались сотни рабочих.

26 и 27 октября собрания шли в залах екатеринбургского вокзала.

Поезда стояли. Бастовали железнодорожники.

Потом заволновались рабочие других заводов.

И на все собрания рабочие требовали товарища Андрея.

В ноябре эсеры устроили митинг в городском театре. Театр был полон.

Рабочие заявили, что председательствовать должен Андрей.

— Но ведь митинг эсеровский, — сказали им.

— Давай Андрея! — закричал зал.

Эсеры не пользовались среди рабочих никаким авторитетом.

На сцену вышел Андрей.

— Садись председателем! — закричали рабочие.

Андрей провел митинг и в заключение выступил сам:

— России нужен государственный строй без царских чиновников! — сказал он. — Благами жизни должны пользоваться те, кто трудится. И в первых рядах борьбы с самодержавием должны стоять рабочие.

Однажды рабочие собрались в Верхисетский народный дом.

Все места были заняты. Половина собравшихся стояла на ногах.

Андрей призывал к вооруженному восстанию

Вдруг народный дом окружила сотня казаков. Во всех окнах и дверях появились усатые лица жандармов.

Начался было переполох.

А его-то и ждали жандармы, чтобы пустить вход оружие и арестовать за беспорядки сотни рабочих.

Андрей властно сказал:

— Товарищи! Спокойствие!

Шум стих. Жандармам не удалось спровоцировать рабочих.

Но Андрей не только ходил по митингам. Он успевал заниматься и другими делами.

Ему удалось через рабочих Ижевского завода достать тридцать винтовок военного образца. Большевики создали боевую дружину.

Он создал рабочий университет, в котором было семьдесят слушателей. Читали лекторы с высшим образованием.

В ноябре первый раз собрался Совет рабочих депутатов.

Он должен был решать вопросы о забастовках, о помощи бастующим.

Большевики в те дни забывали об отдыхе, о себе, о близких.

Штабом их был дом Новгородцевых в Верхисетске. В этом доме день и ночь шла суматошная жизнь.

Приходили, наспех ели, совещались, спорили, уходили...

Чем дальше, тем трудней становилось работать. Черная сотня буквально охотилась за Андреем. Черносотенцы называли его — «стальной черный дьявол».

Как-то раз жандармы проникли в театр, где шел митинг, чтоб арестовать Андрея. Они ждали окончания речи. Но к подмосткам один за другим сошлись дружинники.

Кончив речь, Андрей прыгнул с подмостков в толпу.

Электричество вдруг погасло. А когда включили свет, Андрея в зале уже не было.

В декабре из Петербурга пришла телеграмма: «Арестовать всех вожаков крайних левых партий». Жандармы запретили митинги и собрания.

Андрей, узнав об этом, сказал:

— Ну, что ж — нырнем в подполье!

*

В стране начались расстрелы, военно-полевые суды.

Без отдыха работали виселицы.

Переполнились тюремные камеры.

Екатеринбург был объявлен на военном положении.

В городе начались обыски.

Закрылся рабочий университет.

Ночью черносотенцы спрашивали проходящих:
— Есть на тебе крест?

Если креста не было, — прохожего били.

Шпики переодевались студентами, гимназистами, рабочими.

По пятам ходили за «подозрительными лицами» и мелом отмечали двери домов, где жили революционеры.

Ночью по улицам разъезжали патрули. Сторожа усиленно били в железные доски, охраняя тишину и порядок.

Жандармское управление, тюрьма, суд, полицейский участок, вокзал, казармы соединились телефонами.

Что ни день, в камеру екатеринбургской тюрьмы прибывал новый жилец. Жандармы вылавливали политических.

Особенно усердно разыскивали Андрея. Но он как сквозь землю провалился. Наконец, решили, что он уехал.

Но Андрей был в городе.

Он скрывался в квартире старика — присяжного поверенного. Этот старик был влиятельным лицом в городе, жил широко и открыто. Никто и не подумал искать подпольщика в доме, полном гостей.

Андрей уехал лишь после того, как провел в феврале областную партийную конференцию. Кон-

ференция решила «бороться за победоносную революцию методами вооруженного восстания».

*

Незадолго до конференции Яков Михайлович Свердлов выехал в Пермь.

Перед этим в Мотовилихе произошло вооруженное восстание рабочих.

Ими руководил партийный комитет.

9 декабря завод стал. Рабочие принялись разоружать полицию, разбирать железнодорожный путь, чтобы помешать прибытию войск. Стали строить баррикады.

Восстание подавили казаки-ингуши. Начались массовые аресты.

Девяносто участников предали суду.

Партийные ряды поредели. Работа начала замедляться.

Центральный комитет партии и послал Свердлова ликвидировать прорыв.

В Перми он работал под кличкой «Михалыча».

Свердлов собрал уцелевших от разгрома партийцев, дал каждому задание. Маленькая группа, под руководством Свердлова, начала «по кусочкам» собирать организацию.

В июне шпики выследили «Михалыча» и арестовали его.

Суд приговорил Свердлова к двум с половиной годам крепости.

Свердлова посадили в пермскую тюрьму, потом послали в николаевские роты и, наконец, привезли в екатеринбургскую тюрьму.

Свердлов не прерывал революционной работы и в тюрьме. Он умел подчинять людей своему влиянию.

Тюремный доктор приносил ему с воли письма, деньги, газеты.

Связь с волей была крепкая.

Свердлов доставал нелегальные книжки, брошюры и давал их заключенным.

Он учил других и учился сам.

Ночами Яков Михайлович читал научные и философские книги. Пополнял образование.

Осенью 1908 года военносудные «лесные братья», сидевшие в екатеринбургской тюрьме, решили устроить побег. Они знали, что их присудят к повешению.

Свердлов взялся помочь им. Он обещал дать им денег, оружие, платье. Но провокатор донес начальству о замысле «лесных братьев».

Побег не удался.

Военносудным перестали давать горячую пищу, отобрали одеяла и книги. Некоторых повесили, а остальных заковали в кандалы.

На заднем дворе тюрьмы каждую неделю когонибудь вешали или избивали. !

*

Выйдя из тюрьмы, Свердлов уехал из Екатеринбурга.

Здесь его знал каждый жандарм и каждый шпик. Работать было невозможно.

Но подпольная работа в Екатеринбурге продолжалась.

Несмотря на аресты, провалы, большевики продолжали готовиться к революции.

ПОДГОТОВКА К БОРЬБЕ

В дни февральской революции по Екатеринбург прокатилась волна демонстраций. Эсеры, кадеты и анархисты говорили на митингах:

— Царь свергнут. Мы получили свободу, слова, собраний, печати... Мы стали свободными гражданами. Мы победили!

Но большевики знали, что борьба не кончена: власть была в руках буржуазии, а не в руках рабочих.

В апреле в Екатеринбург приехал Яков Михайлович Свердлов. Он организовал конференцию большевиков и выступил на ней с горячей речью.

— Все советы должны стать большевистскими, — сказал он, — только большевистские советы приведут к власти рабочих и трудящихся... Надо разъяснить массам, что временное правительство — враг рабочего класса.

Большевики начали сколачивать рабочие дружины. Рабочие вооружились как могли. В ночную смену тайно ковали острые кинжалы, отливали ручные гранаты.

Рабочие отряды охраняли заводы, учреждения, следили за порядком. Вскоре дружины были почти на всех заводах и фабриках. Они назывались красногвардейскими.

В конце августа из Петрограда пришли вести о выступлении Корнилова и о том, что на защиту революции встала рабочая Красная гвардия.

Екатеринбургский совет, узнав об этом, приступил к немедленному вооружению рабочих по примеру Петрограда.

В Екатеринбурге организовался объединенный штаб отрядов Красной гвардии. Он разбил город на районы, чтобы лучше руководить отрядами.

Красногвардейцы несли караулы, дежурства, наряды поочередно.

Они не бросали производства. Сменившись с дежурства, шли на завод.

Военному делу обучались в свободное от работ время.

Трудно было наладить военное обучение.

Оружия попрежнему не хватало. Недоставало и патронов. Рабочие, где могли, добывали винтовки и ружья. Часто им попадалось старое, проржавлен-

ное, поломанное оружие. Они были рады и такому. Почистив и починив, они могли пустить его в ход.

Отряды Красной гвардии появились на всех уральских заводах.

Рабочие готовились к борьбе.

Буржуазия тоже готовилась.

Заводчики уже начали переходить в наступление.

Им хотелось, чтобы рабочие попрежнему работали за гроши по 12—14 часов. Стоило рабочим потребовать прибавки, как хозяева угрожали закрыть завод.

Верхисетские рабочие послали делегатов в Петроград в правление завода. Они просили увеличить заработную плату: продукты вздорожали, жить стало трудно.

Правление ответило:

— Уничтожьте восьмичасовой рабочий день, поднимите производство до норм 1915 года, — тогда еще можно будет говорить о прибавках... А если этого не будет, — мы закроем завод на неопределенное время.

Вслед за хозяевами Верхисетского завода выступили и другие горнопромышленники.

Мало того, и горный департамент начал угрожать рабочим. Он объявил:

— Если рабочие организации будут вмешиваться в управление предприятиями, это поведет к закрытию заводов.

Но рабочие не испугались.

На мешочной фабрике Жирякова и Злоказовском заводе они уже захватили власть. Администрация не смела увольнять и принимать рабочих без разрешения комиссара.

Красногвардейские отряды росли. Рабочие выбирали в советы большевиков.

В августе состоялся областной съезд советов.

Съехались со всего Урала рабочие рудников и заводов.

Их лица носили следы тяжелой работы. Посмотришь — и скажешь:

— Вот этот работал много лет в горячих цехах, его красивое лицо пропечено пламенем горнов. А этот — сутулый, бледный недавно вышел из забоя, где долбил киркою руду. А вон тот чахоточный, с зеленоватым лицом, потерял здоровье на медеплавильном заводе.

Съездом советов руководили большевики.

И съезд решил:

— Передать всю власть советам!

Он выпустил обращение к рабочим, солдатам и крестьянам Урала:

Настал момент революционной борьбой отстаивать каждое завоевание революции. Настал момент в решительной схватке отразить нападение капитала.

Рабочие! Собирайтесь под свои знамена! Сплачивайте свои ряды! Сплачивайтесь в пролетарские колонны! Настал момент противопоставить силе и организованности капитала нашу пролетарскую силу и организованность.

Съезд постановил: объявить первого сентября однодневную общеуральскую политическую забастовку в знак протеста против временного правительства.

И вот настало первое сентября.

Остановились Кыштымский, Каслинский, Карабашский и Уфалейский заводы.

Прекратились работы в Полевском, Сысертском, Северском, Алапаевском, Лысьвенском, Туринском заводах. Бастовало около тридцати уральских предприятий.

Бастовало сто десять тысяч человек.

В Екатеринбурге остановились не только заводы и фабрики. Служащие не вышли в учреждения и конторы. Первосентябрьская забастовка удалась!

ВРАГИ

В ночь на 26 октября Екатеринбургский совет получил из Петрограда две телеграммы:

„Зимний дворец взят. Министры арестованы. Никто не ранен“.

„Военно-революционный комитет, созданный исключительно Петроградским советом рабочих и крестьянских депутатов, в настоящее время фактически стоит у власти“.

Утром вести о событиях в Петрограде разнеслись по городу. Просторный дом екатеринбургского совета наполнился рабочими. Они хотели знать: правда ли, что в Петрограде переворот?

Вечером в городском театре состоялось экстренное собрание совета.

На витринах и заборах появились официальные сообщения о переходе власти к советам.

В солдатских казармах большевики устраивали митинги.

На заводах и фабриках прошли собрания.

— Мы требуем единой советской власти и никакой другой подчиняться не намерены!—заявили рабочие Екатеринбурга.

— Мы признаем только власть советов, которую будем защищать всеми имеющимися у нас силами,—сказали солдаты.

Во все советы Урала полетели телеграммы:

„Немедленно возьмите власть в свои руки. Примите срочные меры охраны заводов, введите контроль над производством.

Организуйте Красную гвардию!“

Большевики знали, что добиться власти — мало. Надо удержать и укрепить власть. А у советов было много врагов.

Меньшевики и эсеры начали борьбу против советов. Пермский губернский комитет правых эсеров призывал екатеринбургский комитет готовить немедленно силы к вооруженному выступлению. Но советская власть не допустила эсеровского восстания. Руководители эсеровской организации были арестованы.

«Мы призываем дружно стоять за действительную народную власть всей демократии против диктатуры большевиков,— писали екатеринбургские меньшевики в своем воззвании,— а на насиле всюду отвечать массовым сознательным отпором, изолируя их, как зачумленных».

Первыми на этот призыв откликнулись почтово-телеграфные чиновники.

Телеграфисты перехватывали телеграммы петроградского совета. А вместо них передавали провокационные телеграммы московского союза почтово-телеграфных служащих: «Рабочая революция разбита. Большевики раздавлены».

«Восстановлена власть Керенского. На Урал посланы карательные экспедиции».

В эти дни член областного совета Иван Михайлович Малышев говорил:

— Не верны эти сообщения! Но если б они и были верны, — Урал должен выступить, хотя бы один. Мы должны сваливать под откос те эшелоны, которые будут против нас двинуты. Не пускать к себе войска Керенского!

Вслед за телеграфными чиновниками забастовали телефонисты. Они ушли со станции.

Телефоны замолчали.

Тогда союз рабочей молодежи организовал «десятки» и послал их на телеграф и телефонную станцию.

Молодые телеграфисты принялись зубрить азбуку Морзе.

А телефонисты стали дежурить по-трое у каждого аппарата.

Один спрашивал номер. Второй соединял, а третий разъединял. Все старались перекричать друг друга. Мешали один другому. Работали медленно.

Забастовка продолжалась недолго. Как только был создан ревком, она прекратилась.

Выступили, было, против советской власти и кадеты.

Но большевики закрыли кадетскую газету, и кадеты примолкли. Им негде стало печатать погромные статьи.

Вскоре уральские горнопромышленники устроили заговор.

Они не могли примириться с рабочим контролем. Они не хотели позволить комиссарам совать нос в заводские дела. Не хотели подчиняться советам.

Заводчики перестали выдавать деньги тем предприятиям, где был введен рабочий контроль. На многих заводах рабочие не получали заработной платы по несколько месяцев.

Заводчики хотели вызвать голодный бунт.

Съезд уральских горнопромышленников послал на заводы секретное письмо. Он приказал не допускать контроля рабочих, а тем более захвата власти.

Если рабочие ставили свой контроль, правление обязано закрыть завод. Письмо приказывало:

«Не признавать силу закона за декретами Совета народных комиссаров и других самостоятельных организаций, как например советов рабочих депутатов, революционных комитетов и тому подобных...»

Уральский областной совет, узнав об этом, послал представителя в Петроград, в Совнарком.

Владимир Ильич Ленин распорядился «применить самые крутые меры против саботажников-заводчиков».

Через несколько дней руководителей заговора арестовали. Областной совет начал национализировать заводы. Первым перешел в руки государ-

ства Верхисетский завод. В постановлении совета было сказано:

«В виду отказа от рабочего контроля и отказа правления финансировать округ, областной совет объявляет округ национализированным и предписывает конфисковать все имущество округа: заводы, продукты, материалы, капиталы и текущие счета».

Вслед за Верхисетским были национализированы Алашаевский завод, Кизеловский и Н.-Тагильский заводы, писчебумажная фабрика Ятес и другие предприятия.

Выступили против советской власти и кулаки.

В Екатеринбургском уезде начались контрреволюционные бунты. В селе Багаряк кулаки разогнали волостной съезд советов, арестовали большевиков и с оружием в руках сопротивлялись красной гвардии.

У советской власти был еще один враг — разруха.

Нехватало хлеба, угля, дров.

Разбитые паровозы и вагоны один за другим шли в ремонт. Они изнашивались прежде времени. Их не берегли во время войны.

И не на чем стало подвозить хлеб для рабочих, уголь и руду для заводов.

Голодали и люди и доменные печи.

В городе выдавали только по десяти фунтов муки на человека в месяц.

Цехи один за другим останавливались.

Богатые магазины закрывались. Буржуи, выходя из дому, одевались попроще.

В домах было холодно. Краины тонули во мраке — нехватало керосина.

И областной совет начал решительную борьбу с разрухой.

Он послал в хлебные районы бригады закупать хлеб.

Облагал буржуев контрибуцией.

Переселял рабочих из окраинных домишек в центральные богатые дома.

Советам помогала Красная гвардия. Она охраняла хлебные эшелоны и следила за порядком в городе.

Организовался и юношеский отряд Красной гвардии.

Он учился стрелять, метать гранаты, учился рассыпному строю.

Однажды анархисты захватили дом, где помещалась контора общества выработки пороха и динамита. Они вывесили черный флаг.

Юношеский отряд помог красногвардейцам разогнать и арестовать анархистов.

Город жил тревожно и напряженно.

ВОЙНА

— Мы ни с демократами, ни с аристократией. Ни с той или иной партией. Мы, казаки, сами — единая партия. И мы с теми, кто любит родину. Пора, станичники, пора спасти родину, как спасали ее казаки 300 лет тому назад!

Так говорил казакам войсковой атаман Дутов на заседании чрезвычайного оренбургского войскового круга.

В отряды Дутова охотно шли зажиточные казаки: они боялись, что большевики отберут их земли.

Охотно шли бывшие урядники и унтер-офицеры, надеясь быстро заслужить офицерский чин.

Дутов, при поддержке юнкеров, прапорщиков и буржуазии, захватил власть в Оренбурге и организовал казачье «войсковое правительство». При помощи Дутова эсеры, меньшевики, кадеты создали «комитет спасения родины и революции».

Дутов стягивал в Оренбург казаков. Создавал отряды из офицерства и учеников старших классов гимназии. Вооружал школы прапорщиков.

Дутов готовился к принудительной мобилизации казачества.

Он угрожал Самаре, Уфе и Челябинску.

В Екатеринбурге, Челябинске, Перми, во всех крупных городах и заводах сформировались красногвардейские отряды. Они выступили против Дутова.

Екатеринбург для борьбы с Дутовым выслал три отряда под общей командой Ермакова.

Труден был этот поход! Злые морозы и бураны мешали продвижению. Посты полевой охраны и секреты приходилось сменять почти ежечасно. Редко можно было встретить красногвардейца, который бы не обморозил лица рук или ног. Теплой одежды нехватало.

Несмотря на это, уральские рабочие быстро ликвидировали первое выступление Дутова.

Дутов перекочевал в Верхнеуральск и принялся собирать силы. Он угрожал Троицку, Челябинску, Уфе, заводам Белорецкому, Катав-Ивановскому и Самаро-Златоустовской железной дороге, по которой подвозили хлеб для заводов Южного Урала.

Пришлось вновь мобилизовать силы Южного и Среднего Урала. Екатеринбург и окружающие его заводы послали на фронт красногвардейские отряды. Из них сформировался Первый уральский полк из четырех дружин.

Комиссарами этих дружин были известные уральские большевики — Малышев, Луппов и Толмачев.

Екатеринбургские дружины потянулись к Троицку. Они влились в среднеуральские отряды, которыми командовал Блюхер.

Решено было окружить Дутова, уничтожить его главные силы. Но сделать это было нелегко. Дутов

в течение месяца держался в треугольнике — Челябинск, Троицк, Верхнеуральск.

В начале апреля южноуральские отряды выбили Дутова из Верхнеуральска. Решено было наступить на него с четырех сторон: с запада шел Кадомцев, командующий южноуральцами, а с юга, востока и севера двинулись части Блюхера.

Дутов отступил к югу. Начались бои. Крупный бой был на Черной речке (около Троицка). В нем участвовал Первый уральский отряд, состоящий из рабочих Екатеринбург и ближних заводов.

Вот как писал об этом бое товарищ Малышев:

«Там стянулись большие силы противника с хорошо организованной конницей. Дрались пять часов. В бою было две сотни нашей дружины — верхсетские. Публика сражалась героически. На дутовскую банду навели страх, и они в панике бежали».

Дутов продолжал отступать. Он не мог больше противиться натиску красных.

Он распустил свои части и бежал с небольшим отрядом в Тургайскую степь.

Его преследовали части Блюхера и Каширина.

Вторая и третья екатеринбургские дружины были в числе преследователей.

Окончательно уничтожить дутовцев не удалось: движению помешал весенний разлив рек.

Дутов скрылся в широкой степи.

На смену Дутову явился более грозный враг — чехо-словаки. Иностранные капиталисты вместе с русскими белогвардейцами начали борьбу против Страны советов. В Екатеринбурге — центре красного Урала — спешно формировались дружины, отряды, полки.

Рабочие сотнями шли в отряды. Мартеновцы Верхисетского завода заявили, что они все пойдут на фронт. Пришлось уговаривать их не бросать цех.

Отряды наспех обучались строевой службе. Стреляли в начерченные углем мишени, учились рассыпному строю. Маршировали по улицам.

Целый день на площади хлопали выстрелы и слышались отрывистые слова команды.

Один за другим отряды отправлялись на фронт. А на фронте дела шли неважно.

Трудно было полупартизанским рабочим отрядам драться с регулярными частями чехо-словаков.

Отряды плохо знали военное дело. Не имели крепкой постоянной связи. Не было единого командования. Они выступали неодновременно. Красные дрались ожесточенно, но не смогли выдержать натиска:

Они начали отступать, открывая чехам дорогу к Екатеринбургу.

Областной комитет партии и совет бросили лучшие силы на фронт. Уехали на фронт члены Областного комитета: Малышев, Толмачев, Акулов и Войков.

Иван Михайлович Малышев был назначен военным комиссаром Златоусто-Челябинского фронта.

В это время в тылу войск, на Кусинском заводе, правые эсеры и меньшевики подняли восстание. Малышев немедленно отправил туда революционные отряды и следом выехал сам с ротой эстонского коммунистического батальона.

В конце июля Куса была занята красными. Банды разбежались. Порядок был восстановлен.

Малышев лично руководил боем. Он ходил в передней цепи. Будучи на фронте, обычно работал по 20 — 22 часа в сутки и неизменно оставался бодрым, уверенным, спокойным.

Но в этот день он испытывал сильное утомление, так как был контужен. Болела нога — следствие падения с лошади.

Иван Михайлович отдал приказания начальникам отрядов и, не дожидаясь роты эстонцев, решил ехать в штаб фронта — в Уржумку.

К своему поезду он велел прицепить вагон с ранеными.

На станции Тундуш белогвардейцы захватили поезд. Малышев, его спутники и все раненые были

убиты. Спаслись лишь железнодорожные служащие.

Чехи двигались все ближе к Екатеринбург. В окрестностях города рыскали бандитские шайки.

А монархисты устраивали заговор, чтобы освободить Николая Романова.

Еще в апреле 1918 года по распоряжению ВЦИК в Екатеринбург привезли бывшего царя Николая Романова с семьей. Когда Романов узнал, что его везут в Екатеринбург, он сказал:

— Я поехал бы куда угодно, только не на Урал.

Не все ли равно было Николаю в какую область ехать? Ведь всюду он находился в руках советской власти. Почему же ему так не хотелось ехать именно на Урал?

Николай знал, что горнозаводское население сотни лет копило ярость и ненависть к самодержавию. Знал, что на Урале есть крепкая, растущая с каждым днем, большевистская организация.

Николай не забыл о том, с какой жестокостью подавлялись заводские бунты.

Ясно, что ему не хотелось ехать на Урал, к тем рабочим, братья и отцы которых вешались и расстреливались по его распоряжению.

В начале июля президиум ВЦИК постановил назначать над Николаем Романовым открытый суд.

Он предложил Областному совету готовить сессию суда к концу месяца.

Но организовать суд над Николаем не удалось. Екатеринбургугрожали чехи..

Совет запросил командующего фронтом: сколько дней еще может продержаться Екатеринбург? Ответ был таков:

«Падение Екатеринбурга можно ожидать через три дня».

Тогда Областной совет решил расстрелять Романовых.

Между тем, Романовы, заключенные в ипатьевский дом, усиленно готовились к побегу.

В Екатеринбург съехалось много монархистов — офицерства, духовенства. Буржуазия, узнав, что чехо-словаки движутся к Екатеринбургугрожали чехи.. Она надеялась устроить побег Николая, чтобы сделать его снова царем.

В июне приехал из Одессы старый офицер — заговорщик Сидоров. Он сблизился с доктором Деревенько, которому разрешалось посещать больного Алексея Романова. Деревенько передавал Романовым письма Сидорова.

Охране приходилось глядеть во все глаза. Нередко попадали записки в приношениях монашек Новотихвинского монастыря. Иногда за-

писку запекали в хлебе. Писали на обверточной бумаге, на пакетах, а однажды была обнаружена записка в пробке бутылки с молоком.

О чем же говорилось в этих записках?

«Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил — надо действовать».

Или:

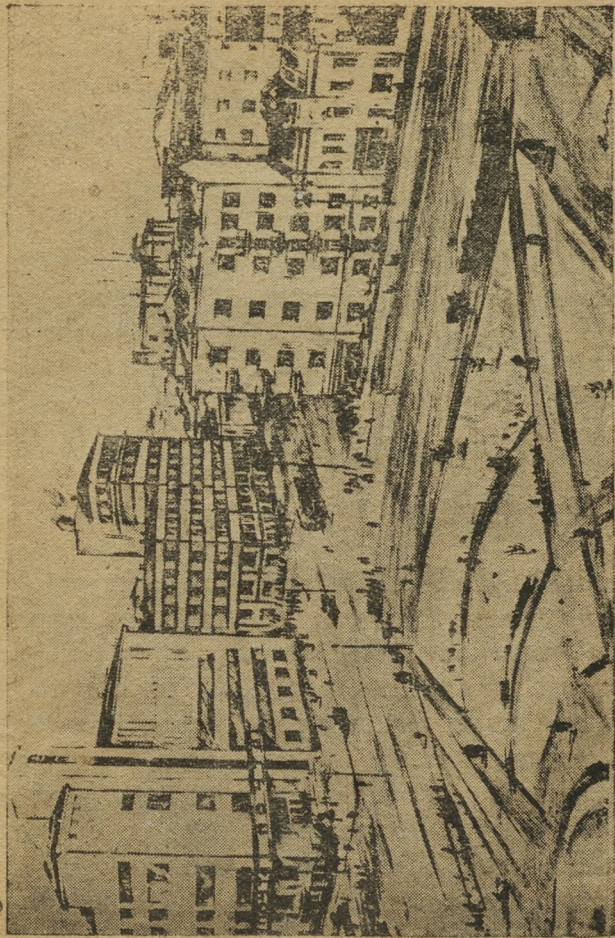
«Друзья более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал».

Однажды Николай отправил письмо в конверте с цветной подкладкой. В письме не было ничего подозрительного, но между подкладкой и конвертом оказался план верхнего этажа шпательевского дома.

На плане было указано кто в какой комнате находится.

Чрезвычайная комиссия зорко следила за всеми подозрительными людьми.

16 июля несколько надежных рабочих коммунистов привели приговор Областного совета в исполнение. Тотчас же трупы положили на грузовик и увезли к старым заброшенным шахтам. Там их уничтожили, чтобы белогвардейцы не могли

Новый Свердловск

Ипатьевский дом. Теперь Музей революции.

объявить их мощами. Рабочие Екатеринбурга, узнав о расстреле Романова, собрались на митинг. Они одобрили действия Совета.

Собрание призывало всех, кому дороги завоевания революции, встать в ряды борцов за освобождение трудящихся.

Две тысячи рабочих макаровской фабрики и семьсот рабочих железнодорожных мастерских ушли на фронт. Верхисетские ушли еще раньше.

Со станции Екатеринбург один за другим отправлялись эшелоны. Шла эвакуация.

Ночами, по пустынным улицам шагали патрули. Слышной и слышней становились орудийные выстрелы, похожие на раскаты грома. Казалось, что приближается гроза. Чехи подходили к Екатеринбург.

Газета «Уральский рабочий» в последний раз выпустила номер с надписью во всю страницу: «Мы еще придем».

Областной комитет партии послал на фронт лучших работников, чтобы усилить партийное руководство в рядах армии.

Член областного комитета партии Вайнер стал рядовым дружинником. Тщедушный, узкогрудый, слепой на один глаз Вайнер, несмотря на болезнь и слабость, взял в руки винтовку и пошел в поход.

Дружина должна была отстоять станцию Кузино, чтобы защитить тыл города и обеспечить связь его с Пермью.

Через несколько дней Вайнер отправился в дозор. Дозор наткнулся на неприятельский броневик. На этом броневике были шпионы. Они знали состав отряда.

Белогвардейцы окружили дозор, закричали:

— Где ваш комиссар? Где Вайнер?

Вайнер не был комиссаром, но прятаться, отступать от врага он не хотел. Поэтому он сказал:

— Это я — Вайнер.

Его немедленно отделили от товарищей, чтобы расстрелять.

Он мог бы еще попытаться спастись, бросившись бежать к лесу. Арестованные красноармейцы шептали ему:

— Товарищ Вайнер, беги.

Но Вайнер знал, что если он убежит, белые начнут пытаться его товарищей.

— Не побегу. Стреляйте! — полным голосом ответил он, выпрямляясь.

Раздался залп.

КАРАТЕЛИ

Затаились рабочие окраины. Потухли печи Верхисетского завода.

Обезлюдела станция.

Широко распахнулись окна особняков. Попы, купцы, мещане высыпали на улицы встречать «освободителей».

Под громкие звуки военного оркестра, под колокольный захлебывающийся звон вступили в город чехо-словаки.

Им устраивали вечера и банкеты.

Служили благодарственные молебны.

Молодцеватые чехи красовались на парадах.

Было создано уральское временное правительство и совет министров. Но фактически хозяевами города и области были чехи.

Они объявили город на осадном положении. Контрразведка искала и пытала большевиков. Особенно свирепствовал комендант Верхисетска Ермохин.

Контрразведчики хватали и бросали в тюрьму, по одному только подозрению.

В числе других захватили по ошибке старого инженера. А он не сочувствовал красным. Он прослужил «беспорочно» двадцать лет и был выгнан с завода большевиками.

Из тюрьмы он написал жалобу, председателю Совета министров:

«В Екатеринбурге творится что-то кошмарное, ужасное. Производятся массовые аресты, якобы большевиков, по доносам каждого, даже малолетнего... Число арестованных достигает трех тысяч. Содержимся в ужасных условиях: в тесноте, грязи, голоде, без всякой врачебной помощи».

В этой тюрьме было расстреляно много большевиков и беспартийных рабочих.

*

В январе 1919 года в Екатеринбург приехал большевик Антон Валец с группой товарищей. Они

пробрались через фронт, чтобы наладить в городе подпольную работу. Их послал Уральский областной комитет партии. Дал им адреса товарищей.

Но Валек не нашел никого.

Подпольной организации не было. Ермохинцы опустошили партийные ряды.

И вот группа Валека начала создавать организацию. Собирала уцелевших. Сколотила конспиративные пятерки на предприятиях, среди солдат, среди учащихся.

Начала закупать оружие, заготавливать шрифт и типографские части. Установила связь с Челябинском.

Но подпольная организация работала недолго. В конце марта она провалилась.

Ее выдал один бывший офицер.

Он указал адрес Валека: по этому адресу и явились агенты контрразведки.

Антон Валек спал чутко, как все нервные люди. При первом стуке в дверь он проснулся и сел на постели.

— Кто там?

— Здесь живет Яков Семенович Богданов?— спросили из-за двери.

Валек проживал по паспорту Богданова. Поэтому он ответил:

— Да.

— Откройте!

Расставаясь с женой, Валек глубоко заглянул ей в глаза.

— Крепись, жена, — шепнул он, — расстреляют не сразу. Будь готова к пыткам.

Антон Валек и его жену арестовали и посадили в тюрьму.

Валека били перед допросом и после допроса. Били до потери сознания. Выносили бесчувственного на двор, кидали на снег. Едва Валек открывал глаза, его снова начинали пытать. Было нанесено около 400 ударов нагайкой с оловянным наконечником.

Тело покрылось черными кровоподтеками, пальцы распухли.

После шести дней истязаний, Валек предстал перед военно-полевым судом. Его приговорили к смертной казни.

В камере смертников Валек встретился с шестью товарищами по работе, также приговоренными к расстрелу. Здесь была и Мария Оскаровна Авейде, старая подпольная работница Екатеринбургa.

Маленькая женщина храбро вынесла пытки. Пораженные ее достоинством и выдержкой, палачи говорили:

— Изумительно! Как идут к разбойникам-большевикам такие хорошие женщины?!

Непохоже было, что в камере живут люди, приговоренные к смерти. Они спокойно беседовали, шутили.

Прошло несколько дней. Наконец смертников увезли в верхисетскую тюрьму. А в три часа утра осужденных повели на опушку леса. Это было место казни.

Комендант Верхисетска Ермохин приказал казнить Валека последним, чтобы он видел прежде смерть своих товарищей. Осужденные думали, что их расстреляют. Но озверевшие каратели принялись рубить их шашками. Валек не выдержал кровавого зрелища. Он умер от разрыва сердца. Казаки рубили его уже бездыханного.

После казни Валека и его товарищей уполномоченный командующего Сибирской армией по сохранению государственного порядка и общественного спокойствия издал приказ:

«Объявляю для сведения, что в первых числах апреля текущего года военным контролем г. Екатеринбурга была обнаружена полностью преступная большевистская организация, во главе которой стоял Антон Валек, состоявший начальником контрразведки красных всей Сибири до Иркутска включительно и главой тайной коммунистической организации г. Екатеринбурга.

4 апреля 8 человек из этой организации командующим Сибирской армией были преданы военно-полевому суду, по обвинению в преступлении, предусмотренном ст.ст. 51, 100, 108 Уголовного уложения.

Военно-полевой суд приговорил всех обвиняемых к смертной казни. Приговор, утвержденный главнокомандующим Сибирской армией, приведен был в исполнение 8 апреля сего года».

Уничтожив группу Валека, колчаковцы не успокоились. Они знали, что подпольная организация существует. Искали ее следы. Тюрьмы были переполнены, контрразведка бросала туда новых арестованных.

В первой половине мая колчаковцы арестовали руководителя военной группы екатеринбургской подпольной организации Попова. Вместе с ним захватили еще пятерых подпольщиков.

Все шестеро были присуждены к смерти.

Но контрразведка не спешила расстрелять смертников. Она надеялась выпытать от них что можно об организации, ее связях, составе. Ермохинцы пытали осужденных в течение шести дней. В глубине двора Верхисетского завода стоял уединенный дом, из которого не было слышно криков.

Через шесть дней пытки на время прекратились: начальник контрразведки уехал в Пермь.

Заключенные стали готовиться к побегу. Связь с волей они держали через сестру Попова — Валю.

Сначала друзья осужденных хотели освободить их, опояв караул сонным порошком. Порошок был доставлен в камеру, но всыпать его в пищу караула не удалось.

Тогда решили подпилить оконную решетку...

— Попову передача, — сказал белогвардеец и просунул в приоткрытую дверь свежеспеченную булку.

Затем дверь снова закрылась.

Попов сел. Товарищи по заключению окружили его. Можно было подумать, что все они жестоко голодны — так жадно смотрели они на булку. Однако никто не прикоснулся к кускам, которые нетерпеливо отламывал Попов.

Серая тучка, закрывавшая солнце, уползла. В окно брызнули лучи. И в этот момент среди пышной мякоти булки тускло блеснула полоска металла.

Попов вытащил маленькую стальную пилку, облепленную хлебным мякишем.

Валя Попова передала пилку в хлебе. Кроме пилы, в булке запечены были два ножа и деньги.

Трудно было пилить. Трудно и опасно. Окно выходило во двор, а там постоянно был часовой и пожарные.

Вывесив в окно тряпку, как будто для просушки, заключенные пилили поочередно. Один пилил, а остальные громко разговаривали, цели и старались шумом шагов заглушить визг пилы.

В соседней камере сидел сотрудник комиссариата финансов. Товарищи решили взять с собой и его. А для этого начали разбирать стену под печкой, чтобы в день побега перетащить его в свою камеру. Дыра была уже готова. Но в этот же день начальство перевело соседа в камеру осужденных.

К концу четвертого дня работы удалось перепилить три продольных прута внизу, а вверху — лишь два было надпилено до половины.

Может быть, заключенные стали бы работать дольше, если бы не произошел один случай. Караульный захотел проверить исправность решетки и схватился за прут. К счастью, это был целый прут.

Вот этот случай и заставил ускорить побег.

В ночь на первое июня заключенные бежали. С большим трудом выворотили они решетку и стали по очереди вылезать.

Через ворота, которые были открыты с вечера, они выбрались на волю.

Попов еще не оправился от побоев, ему трудно было бежать.

Товарищи пустили его вперед. Они шли друг за другом. На опушке леса за Московским трактом

разделились на две группы и разошлись в разные стороны.

Через полтора часа после их побега в тюрьме поднялся переполох. Явился сам Ермохин, вызвал отряд казаков и разослал их по всем дорогам и дорожкам в погоню. Он приказал избить караульных и арестованных, сидевших в ближних камерах.

Но беглецов не нашли. Они забрались в непролазное болото и провели там весь первый день свободы.

15 ИЮЛЯ

Тридцатого июня 1919 года Красная армия взяла Пермь. В тылу белых начались восстания. Солдаты целыми полками стали переходить на сторону красных.

К середине июля стало ясным, что Екатеринбург перейдет в руки большевиков.

Началась тайная эвакуация. Спешно грузили эшелоны. Буржуазия Екатеринбурга отступала с белыми. Крупные тузы погрузились с семьями и частью имущества в вагоны. Места в вагонах покупали за тысячи рублей.

Беженцы, не сумевшие купить места в вагоне, отправлялись с возами пожитков по тракту. Длинной лентой потянулись подводы, вздымая пыль.

Сквозь пыль виднелись тарантасы, пролетки, телеги. Ехали с семьями купцы, кулаки, чиншники и переодетые, подстриженные под кружок, попы.

Ночью по бокам тракта трещали костры. Трава, пшеница, овес — все было вытоптано и съедено лошадьми. В канавах лежали конские трупы.

Около восьми сотен арестованных погнали по тракту в Сибирь. Екатеринбургская контрразведка десятками расстреливала большевиков. Замерли рабочие окраины. Вечером не зажигали огня. Прятались, кто где мог.

А Красная армия готовилась вступить в город. 13 июля стрелковая дивизия стояла в Шайтанском заводе.

Комиссар дивизии Пылаев собрал комиссаров полков и батарей. На столе лежали карты Екатеринбурга. Лесовод, побывавший в городе, рассказал комиссару, где помещается штаб белых, где тюрьма, городская дума, банк, контрразведка.

На карте были обозначены все городские учреждения.

Комиссар дивизии сказал:

— Пятнадцатого июля мы должны взять Екатеринбург. Занимать будут 250-й, 249-й и 251-й стрелковые полки. Комиссарам полков быть при полках. Бригадным комиссарам — со мною. Я иду,

с головным отрядом. В 12 верстах от города все комиссары должны явиться в головной отряд. Комиссару, начальнику артиллерии Щеголеву приказываю в Екатеринбурге взять под охрану городское самоуправление и банки. Комиссару третьей бригады Медведеву — военные штабы... Комиссару 249 полка Пушкинову — освободить политических заключенных...

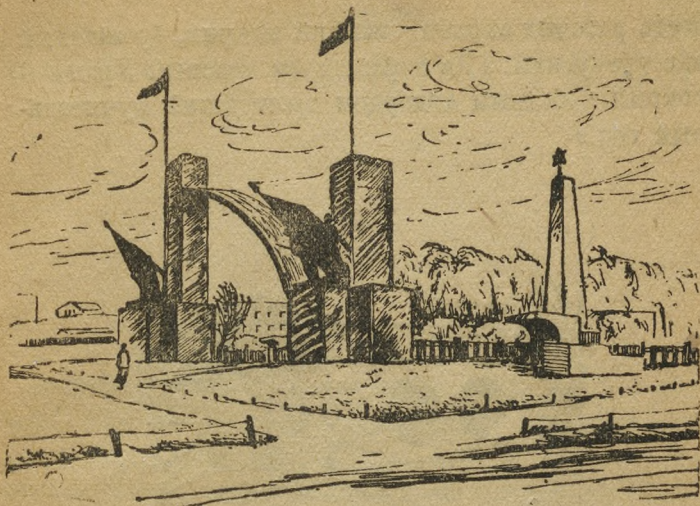
На другой день дивизия выступила из Шайтанки. Красноармейцы не успели отдохнуть. Они в две недели прошли 350 верст, но никогда еще не шли так бодро и весело, как в этот день.

На пути белогвардейцев не встречалось. Только шальной разъезд в 15 верстах от города попытался обстрелять. Но пехота бегом погналась по болотам за кавалеристами-колчаковцами, и разъезд скрылся. У маленького лесного кордона была снова небольшая стычка.

Около двух часов ночи на 15 июля на горе, у тюрьмы, на Сибирском тракте появилась первая красная кавалерия.

Белые спешно покидали город, сделав несколько орудийных выстрелов. Над станцией стояло багровое зарево. Это белые жгли груженые составы, пакгаузы железной дороги.

Комиссар дивизии Пылаев, вспоминая день вступления в город, говорил:

Площадь коммунаров. Здесь похоронены жертвы гражданской войны.

«Трудно описывать такие моменты. «Интернационал» красной кавалерии, крики «ура» в тюрьме, торжественная встреча рабочих с молоком и хлебом... орудийная стрельба по удирающим...

А после — звон колоколов в Верхисетском, бесшабашная, удалая кавалерийская гонка по улицам с оружием в руках. Жажда догнать удирающих и схватиться с ними...

Все это смешалось в одно общее радостное, бурное... Звуки стрельбы, красный свет пожара, ра-

дóсть рабочих окраин, звонкий выкрик, брошенный навстречу нам: «Да здравствует красный Урал» — покрыл победным аккордом прошедший мучительный год.»

Набережная

ГОРОД СВЕРДЛОВА

НОВОЕ ИМЯ

Екатеринбургский совет вновь приступил к работе. Трудно было восстанавливать разрушенное хозяйство. Нехватало топлива, электроэнергии, не хватало хлеба, соли. Не было даже спичек и керосина. Плохо работала железная дорога. Разбитые паровозы и вагоны один за другим шли в ремонт.

Большинство заводов замерло. Они стояли на консервации. В переполненных больницах и бараках металась в бреду тифозные.

А Екатеринбург, истерзанный голодом, тифом, разрухой должен был заботиться не только о восстановлении своего хозяйства. Город стал областным центром. Он руководил заводами, городами и селами всего Урала.

Совет объявил трудовую повинность. Все трудоспособные жители Екатеринбурга стали работать на заготовке и вывозке дров.

Совет принялся восстанавливать транспорт и заводы.

Дома бежавших буржуев были объявлены собственностью государства. В крупных домах разместились учреждения, библиотеки, клубы.

Вновь, на этот раз уже навсегда, в светлые квартиры богачей вселились рабочие семьи Екатеринбургa.

Открылись детские дома для беспризорников и сирот.

Малыши рабочих семей впервые попали из чадных дымных комнат, из грязных дворов на окраине в светлые комнаты детсада. Имущество бежавших буржуев Совет разделил между семьями рабочих, пострадавших от Колчака.

Население областного города Екатеринбургa стало расти.

В 1923 г. население Екатеринбургa и Верхисетска достигло 93 тысяч. Для такого количества населения город оказался тесен.

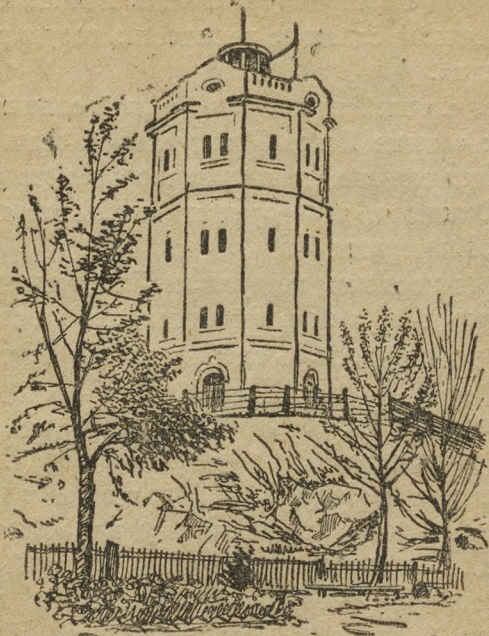
Нехватало жилой, конторской и торговой площади. Мало было электроэнергии.

А уж о водоснабжении и говорить нечего.

В 1924 году был составлен проект водопровода.

Через год рабочие Верхисетска получили воду.

Прошло еще два года и вода была подана в центр города.

Водонапорная башня

Проект водопровода был составлен для Екатеринбурга, а воду получили жители Свердловска.

*

Двести один год прошел с той поры, как Генин писал царю Петру, прося разрешения назвать

новый город Екатеринбургом «для памяти в вечные роды и вечные славы ее величества государыни императрицы».

Насчет «вечной памяти» и «вечной славы» Геннин ошибся: о жене Петра I и думать забыли. Еще до революции многие, недостаточно грамотные люди были убеждены, что город назван Екатеринбургом в честь Екатерины II.

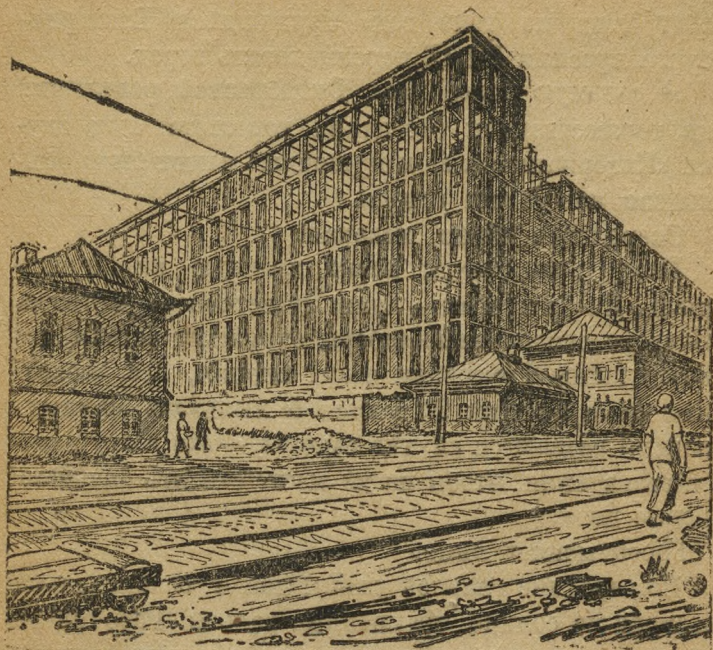
Но дело не в том, которая из Екатерин дала свое имя городу, а в том, что столице пролетарского Урала не пристало носить название в честь царицы.

Столице Красного Урала следовало дать имя вождя уральских большевиков — Якова Михайловича Свердлова. В годы подполья он отдал все свои силы партийному строительству на Урале.

Выйдя в 1908 году из екатеринбургской тюрьмы, он работал в Москве, был арестован и сослан в Сибирь в суровый Нарымский край. Несколько раз он порывался бежать из своей ссылки, но все неудачно.

Февральская революция застала Якова Михайловича в Туруханском крае.

Во время Октябрьского переворота Свердлов был одним из лучших помощников Владимира Ильича. Он был первым председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Строится Дом промышленности

«В память уральского подпольного работника т. Андрея — Якова Михайловича Свердлова, — прекрасного и стойкого борца за свободу рабочих и крестьян, организатора и агитатора, одного из ближайших помощников втяжелой работе т. Левина, и Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов с Октябрьских дней

1917 года по 1920 год» трудящиеся Екатеринбург просили ВЦИК переименовать город.

В седьмую годовщину Октябрьской революции на торжественном заседании горсовета, под звуки «Интернационала» и пушечный салют было объявлено новое имя города.

✓ Свердловск изрыт, ископан.

✓ Ветер вздымает и носит красную кирпичную пыль. На тротуарах — лужи известкового раствора. Наскоро сколоченные заборы окружают остовы новых зданий. Грузовики везут кирпич, лес, железные конструкции. Качаются «в люльках» маляры, ночами раздаются глухие взрывы, — это разрушают старые здания, чтобы на их месте строить большие новые дома.

Город меняет лицо.

По середине главной улицы легли, ослепительно сверкая на солнце, трамвайные рельсы. Рабочий не должен ходить пешком из конца в конец.

В семи километрах от города выросла новая электростанция. Долой керосиновые коптилки из рабочих квартир! Электрические провода протянулись на заводы и в дома. Ночами окраины не тонут во мраке. Сотни уличных фонарей осветили город. Жены рабочих перестали топить затхлые, угарные баньки. В городе есть новая коммунальная баня.

Выстроено две гостиницы.

К началу первой пятилетки начали мостить улицы, строить школы, хлебозавод, физиотерапевтический институт, новые поселки.

А чтоб облегчить труд рабочих и увеличить выпуск продукции на предприятиях, установили новые машины, механические двигатели.

ВИЗ

Верхисетский завод вырабатывал кровельное железо. Он так и назывался — завод «Красная кровля». А в 1928 году на ВИЗе начались опыты производства электротехнических сталей. Рабочие и техники должны были освоить это новое в Советском Союзе производство.

До сих пор трансформаторное железо ввозилось из-за границы, и мы платили за него золотом. Трансформаторное железо нам необходимо для электрической промышленности.

Трудно изготовлять это железо.

Металл должен быть мало окисленным. В нем должно быть очень немного углерода и марганца. Но зато много кремния.

Из этого твердого металла надо сделать очень тонкие листы. А отжиг этих листов надо производить равномерно.

Это еще не все. Трансформаторное железо должно

иметь магнитные свойства. А эти свойства зависят от очень многих условий.

У визовцев не было опыта. Часть специалистов сопротивлялась новому начинанию.

Старые навыки мешали работать. Но большевики ВИЗа не отступили. Они сели за книги. Развернули техническую учебу. Личным примером повели за собой тех, кто не верил в успех.

На помощь пришел институт металлов. Перед началом работ профессора прочли несколько лекций.

Рабочие часто приходили к ним на квартиры, советовались, как лучше вести плавку, как бороться за качество. Лучшие производственники ВИЗа добились выплавки высококачественного металла.

Из завода, который вырабатывал кровлю для кулацких и барских крыш, ВИЗ стал заводом, который успешно борется за экономическую независимость Советского Союза.

Теперь ВИЗ называется не заводом «Красная кровля», а Верхисетский завод имени Кабакова.

Он с честью носит имя секретаря Обкома партии.

УРАЛМАШ

«В лесу, за городом Свердловском, вдруг появился в полном одиночестве цех металлических конструкций.

Он был ничтожеством.

Его раздавливало простое сравнение со всем остальным заводом в плане.

Тогда же появилась знаменитая «веревочка». «Веревочка» заменяла собой шоссе от Свердловска до места, где строили цех.

«Веревочка» начиналась простой пегой лошадью. Лошадь протаптывала сугробы и, чтобы умять их, тащила за собой санки. За санями шли гуськом люди — землекопы, каменщики, арматурщики, инженеры, мотористы, секретари и бухгалтера, строившие цех.

К вечеру лошадь с санями поворачивалась в обратную сторону, и опять те же люди черным пунктиром плелись назад. В этой «веревочке» ходил и начинал сидеть Банников — начальник строительства.

Вместе с тысячами других людей, шедших по «веревочке», он помогал комбинату выбиться в жизнь.

Это было очень трудно. Приходилось, насилуя самого себя, издеваясь над собственным жизненным и техническим опытом, совершать много нелепостей, даже преступлений.

Преступлением была, например, та же самая «веревочка», по которой он сейчас шел. Техники, идущие за его спиной, могли сказать ему, больше-

вику инженеру, что еще на школьной скамье их учили всякое строительство начинать с подъездных путей. А он вел людей и тащил материалы по «веревочке».

Преступно было выпячивать из общего плана вот этот цех, торчавший в лесу. Но Банников все же предписывал осуществлять и «веревочку» и цех металлических конструкций, боком вылезавший из плана.

Так он хитрил. Это стоило большого напряжения. Он начинал сесть. Его мучили постоянно головные боли. Неизвестно было, с кем же, собственно, он хитрит. Кто-то сверху давил на «Машинстрой»*.

Так разворачивалось начало строительства Уралмаша. Завода тогда еще не было. Даже не знали, когда он будет построен.

Банников получал странные приказы из Главметалла.

Сегодня ему приказывают: «Перевести строительство в Челябинск». А завтра пишут: «Кооперируйтесь с Мотовилихой».

Много раз Банников поспешно уезжал в Москву отстаивать строительство.

Особенно трудно было изворачиваться со средствами. Денег отпускали мало. А надо было строить

* Ев. Кригер—„Веревочка“.

цехи, бараки, выдавать зарплату. Банников начал даже распродавать строительные материалы.

Для Банникова борьба была привычным делом. Все годы гражданской войны он провел на фронте. Он видел, что быть начальником строительства, пожалуй, труднее, чем воевать с белыми. Приходилось бороться за каждую копейку, за каждый метр строительной площадки.

С кем же боролся Банников?

В Главметалле сидели вредители из «промпартии» Хренников и Чарновский.

Они-то и слали противоречивые приказы. Они пытались законсервировать строительство, остановить его.

Чарновский на суде сознался:

— Мы задерживали строительство Свердловского машиностроительного завода.

После того как вредителей поймали, стройка пошла полным ходом.

*

Интересно разговаривать со старожилками Урал-маша, с теми, кто жил в первых рубленых бараках и собирал ягоды и грибы там, где сейчас каменные дома и асфальтовые тротуары.

Покажет тебе такой старожил, допустим, на магазин и заявит:

— А вот здесь я зайца поймал... в 1929 году!
Или постучит каблуком по асфальту и скажет:
— Болото здесь было! Прямо — топь...

Все они большие «патриоты» — любят Уралмаш.
Любят рассказывать, как строился завод.

Вот, например, что рассказывает ударник модельного цеха Семушин:

— Приехал я сюда в тридцатом году... В январе... Завода еще не было. На конце просеки стоял цех металлических конструкций. Добраивалось управление. Торчал непокрытый железнодорожный склад, да стены ремонтно-механического цеха.

А там, где сейчас улица Ильича, стояли тепляки. В тепляках рыли ямы под фундаменты. Рабочие жили в рубленых домах.

Вокруг жилья лес густой и сугробы. Лесорубы прорубали просеки, снимали с площадки лес.

Проработал я в цехе до выходного дня. В выходной захотелось погулять и пошел я по просекам.

Шел долго. С полчаса. Вышел к лесопильному заводу.

— Чей, — спрашиваю, — завод?

— Уралмаша, — отвечают мне.

Пошел дальше. Долго ходил по дорожкам: то в лесосеку упрешься, то на другую просеку выйдешь.

Наконец, дошел до кирпичного завода. В то время строили там навесы для сушки кирпича. Я спросил:

В лесу Уралмаша

— А чей это завод?

— Уралмаша.

Я даже не поверил. Куда же он столько тянется? Целый день хожу и все по Уралмашу. Вот так владения!

Однажды ночью я проснулся от артиллерийской пальбы. Вскочил. В барачке трясутся стены, дребезжат стекла.

«Что за бой?» — думаю. А сосед по койке мне говорит: «Не пугайся, это пни корчуют... взрывами...»

Расчистили место. Стали копать ямы. И опять пошли взрывные работы. Почва тугая — кроме аммонала ее ничем не возьмешь.

Бойко мы строились. Так бойко, что трудно представить.

*

Весной 1933 года Уралмаш готовился к пуску. Цехи уже были пущены, работали. Но правительственная комиссия еще не приняла новый завод. Торжество пуска приурочили к годовщине освобождения Урала от Колчака — к 15 июля.

Цехи жили тревожно. Надо было во что бы то ни стало научиться выпускать доменное оборудование. К 15 июля надо сделать коксовые грохота «Гризли», аппарат «Мак-ки», лебедку Оттиса, пушки Брозиуса. А дело это новое. И мудреное.

Взять хотя бы пушку Брозиуса. О ней и не слышали на старых заводах. На старых домнах летку* забивали вручную. Работали под брызгами расплавленного чугуна, у раскаленных канав. На новых наших заводах летку забивает пушка Брозиуса. Стоит нажать кнопку на щите — и пушка выстрелит. Ком глины плотно закупорит летку. Для пер-

* Отверстие для выпуска чугуна.

вѣхъ магнитогорскихъ и кузнечскихъ домѣн мы покупали пушки Брозюса за границей. Платили за нихъ золотомъ. А теперь эти пушки делаетъ Уралмаш.

Долго возились уралмашевцы съ первой пушкой.

Комсомольская бригада сборщиковъ не умела читать чертежи. Пришлось сестъ за учебу. Инженеры и мастера помогали сборщикамъ.

Комсомольцы научились собирать. Но этого оказалось мало. Много разъ приходили къ нимъ неправильно сделанные детали. Привезутъ цилиндръ, а онъ не подходитъ: то отлитъ не такъ, то обработанъ плохо. Принесутъ болты — не годятся.

Принялись сборщики соревноваться съ литейщиками и расточниками. Поставили контрольный постъ, чтобы следить за движениемъ деталей изъ передела в передел.

И в апрелѣ 1933 года первая пушка была готова.

Первого мая ее втащили на платформу грузовика и повезли в Свердловскъ на демонстрацію. Вместе с пушкой ехали и молодые сборщики.

Пушка шла впереди колонны уралмашевцевъ. Ее шумно приветствовали. Паровозы Уралмаша, выстроившись одинъ за другимъ, салютовали гудками, а рабочие Свердловска кричали: «ура».

Но не только цехи готовились къ пуску. Строители города работали в три смены.

Площадь еще не была замощена, дома не штукатурены, тротуары не готовы... а до пуска оставались считанные дни!

И строители спешили.

На площади работали мостовщики и чернорабочие. Проезжали грузовики, тракторы. Шли груженные тяжелым камнем поезда. Клокотали котлы кипящего асфальта. Штукатуры и маляры надевали на кирпичные дома светлые «рубашки». Вместо канав, рвов и пней появились асфальтовые тротуары, клумбы, газоны. Вырос фонтан. Площадь Пятилетки оделась камнем.

Один за другим бежали на площадку трамваи и автобусы. Они везли шумных и веселых людей. Это приезжали на субботник рабочие и служащие Свердловска. Они помогали на земляных работах, просеивали песок, подносили камень, делали клумбы, посыпали аллеи парка желтым хрустящим песком.

Свердловск может сказать:

— Я помогал строить Уралмаш!

Шум не стихал и ночью. Так же работали люди. Так же шипел и гремел паровоз. Громыхал трактор. Вопили сирены автомобилей. Клокотал асфальт.

В перерыв на площади появлялся грузовик с термосами, это фабрика-кухня посылала строителям жирный, горячий суп и сытные пироги.

Поев, рабочие снова принимались за дело. Они спешили. Старались сделать больше и лучше. Каждому хотелось победить в соревновании.

Работали всю ночь. На площади было светло. Ослепительные прожекторы освещали ее.

*

В ночь на 15 июля Уралмаш не спал.

Горели синие огни, — это электросварщики приваривали перила на балконах.

Стучали молотки — рабочие приколачивали лозунги, плакаты. На крышах укрепляли флаги.

Ранним утром трамвай несли красные полотнища с надписью:

СЕГОДНЯ ПУСК УРАЛМАША

Красные полотнища парусили на придорожных столбах. Трамвай в этот день не задерживались на разъезде: встречные шли по новой — второй линии. Они со звоном выскакивали из леса и останавливались на площади.

Замощенная, только что политая из брандспойта, площадь была пуста. Месяц тому назад площадь загромождали груды камня и песка. Пыхтели тяжелые «катки». Клубы пыли не успевали осесть.

Обабоченные, спешащие люди в запыленных рабочих костюмах наводняли площадь и улицу Ильича. Кирпичные дома были закрыты лесами.

Сейчас площадь поражала чистотой и свежестью.

Высоко над площадью, на стройной колонне стояла статуя. Это — Ленин. У ног его лежал рапорт треугольника:

УРАЛМАШ ВСТУПИЛ В СТРОЙ ДЕЙСТВУЮЩИХ
ПРЕДПРИЯТИЙ. ОДЕРЖАНА ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ.

На светлых новых домах трепетали красные флажки. Красное полотнище с гигантскими буквами «УЗТМ» опоясало четырехэтажный дом.

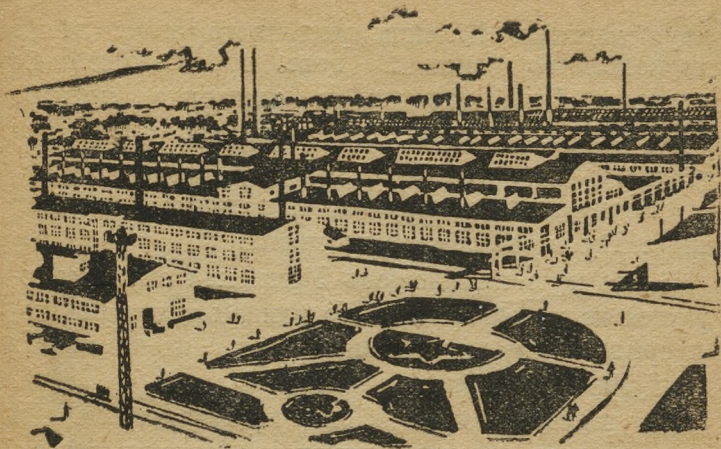
Сочные газоны бежали рядом с асфальтовыми тротуарами. Пестрые клумбы заполняли площадки между домами. Садовник так посеял цветы, что на клумбах расцвели цифры: «1928 — 1933».

В 1928 году заложили первый камень Уралмаша.

В 1933 году пустили завод.

Мы построили Уралмаш и рабочий городок в пять лет.

За узорными чугунными воротами УЗТМ пролегла широкая чистая асфальтовая улица. По бокам стоят светлосерые цеха. Перед цехами разбиты клумбы и газоны.

Уральский завод тяжелого машиностроения

В сталелитейном цехе стоят громадные качающиеся печи. Ими управляет электричество. Стоит повернуть рукоятку на щите, печь наклонится и разольет металл по ковшам.

А вот и шаржирные машины, заваливающие шихту. Под высокой крышей цеха замерли подъемные краны. Завтра они, жужжа, скользнут по трассам, подденут кранами огромные детали и понесут их, куда надо.

Вот токарный станок «Вагнер» в механическом цехе. Детали его везли на Уралмаш в двадцати

двух вагонах. Колонна рсточного стана выше двухэтажного дома. В цехе. 450 сложнейших станков. Их приводят в движение моторы. Эти моторы заменяют силу десяти тысяч лошадей.

Сквозь застекленную крышу цехов голубеет небо. Возле станков стоят цветы.

К полудню на площадь Уралмаша стали собираться на демонстрацию. По улицам двигались непрерывные густые колонны. Шли с песнями. Вот грянули медногорлые оркестры.

На площади теснота, не протолкаешься. Из каждого окна многоэтажных домов выставились головы.

На митинг собралось больше сорока тысяч.

Приехал и заместитель народного комиссара тяжелой промышленности — товарищ ~~Каганович~~.

Поднявшись на широкую трибуну, он сказал:

— Правильно товарищ Горький назвал ваш завод — отцом заводов: он подводит небывалую, неслыханную базу под черную и цветную металлургию, под уголь и химию. Он дает возможность оживить те богатства, которые находятся в недрах Урала. Завод мы пускаем в полном порядке, чистоте, на ходу. Но впереди еще много работы. Завод будет расти и развиваться. Нужно, чтоб каждый из вас помогал этому росту.

БОЛЬШОЙ СВЕРДЛОВСК

Кто не был в Свердловске лет пять — шесть, тот не узнает города.

Новые многоэтажные дома сверкают широкими окнами.

По улицам бегут трамваи, звеня и рассыпая голубые искры. Мягко шуршат по мостовым легковые автомобили.

Свердловск растет. Обрастает заводами. Сливаются с поселками и городками, окружающими его.

В черте города стоят: Уктус, Шарташ, Втузгородок, Уралмаш, Пионерский и другие поселки.

Войди в трамвай № 7, — ты проедешь через весь город от ВИЗа до Втузгородка.

Вначале — стройная улица Ленина.

Побежали навстречу скверы, новые дома, широкие витрины магазинов. Промелькнули мимо Обком, театр, черная статуя «Андрея», светлый овал многоэтажного городка чекистов...

Водная станция

Трамвай бежит по улицам, где стоят вперемежку большие и маленькие, старые и новые здания.

Вот и Втузгородок. Новые большие дома окружены мрачными соснами. Здесь институты, общежития, лаборатории.

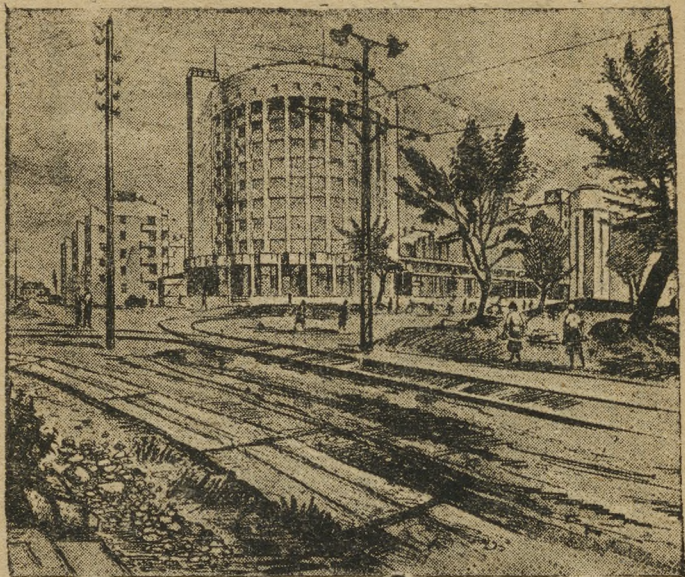

Вузгородок — город науки

Здесь новый большой город — город науки.

А теперь садись в вагон № 5, и ты пересечешь город в другом направлении. От редкого соснового леса, за которым тянется черный торфяник, ты проедешь по старым улицам, мимо домов, построенных еще при крепостном праве.

Трамвай идет на вокзал. Остановка. В вагонах становится просторнее,

Городок чекистов

✓ Трамвай несется по равнине.
Недавно она была пустынной. А сейчас построены, строятся и еще будут строиться дома.

Миновав Пионерский поселок, рельсы делают изгиб.

✓ Теперь трамвай бежит рядом с шоссе. Шоссе — мостят. Серые кубики камней рядами ложатся на

желтую дорогу. С каждым днем серая лента мощенного шоссе близится к городу.

На голой равнине стоит четырехэтажный дом. Он одинок. Не защищен от ветров. Здесь остановка. За столбом новый деревянный забор и длинные штабели кирпичей.

По другую сторону трамвайной линии — тоже огороженная площадь. Над воротами изгороди написано:

УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД ТЯЖЕЛОГО СТАНКОСТРОЕНИЯ

Здесь идет строительство гигантов второй пятилетки. Через несколько лет друг против друга встанут два огромных завода.

Едем дальше. Начинается лес.

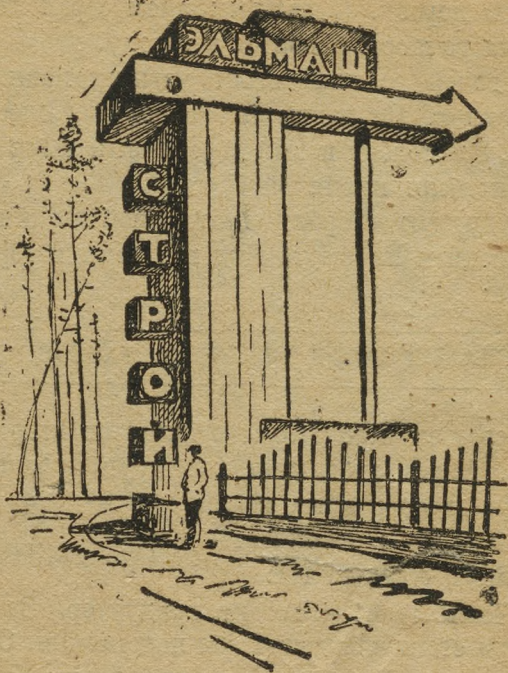
Трамвай остановился.

— Челябинстрой! — говорит кондуктор. За полкилометра стоит электрическая подстанция. Она принимает ток из Челябинска и передает его Уралмашу и Свердловску.

Едем лесом. Он редок, исхожен вдоль и поперек. Вот стоят розовые дома, летняя эстрада, бегут крашенные изгороди.

Что это за поселок?

Возле рельс врыт четырехугольный большой крашенный столб. Толстая стрела указывает на лес-

Стрелка указывает путь на Эльмаш

ную дорогу. Над стрелкой написано «Эльмаш». А на дальнем повороте виден другой столб. Стрела, как указательный палец, вытянута вправо. Там стоит поселок Эльмашстроя.

И здесь через два — три года подымутся новые цехи завода, подобного Уралмашу. Эльмаш будет

готовить электрическое оборудование для промышленности.

На остановке «Эльмаш» можно сойти с трамвая и поехать в автобусе на Пышминский завод электролитов.

Пышминский завод построен в четыре года. В Европе такого завода нет. Пышминский завод при полной мощности дает 100 тысяч тонн очищенной (рафинированной) меди в год.

Вблизи завода лежит медный рудник.

В отдалении стоит Березовский завод и Среднеуральская электростанция. Скоро и они станут частями Свердловска. Город подойдет к ним вплотную.

Но это еще не все. Рядом с Уралмашем строится экскаваторный завод. Он будет выпускать до двухсот мощных экскаваторов ежегодно.

Строится также большой завод химической аппаратуры.

Свердловск становится центром машиностроения Урало-Кузбасса.

И это вполне понятно.

Город окружен металлургическими заводами. Он соединен с ними железной дорогой.

Свердловск лежит в центре уральской электромагистрали. Стало быть, в энергии недостатка не будет.

В Свердловске скрещиваются важнейшие железнодорожные магистрали.

По этим магистралям, как по руслу, текут в Свердловск уголь и руда. А из Свердловска на заводы Урало-Кузбасса — новые машины.

Но Большой Свердловск до сих пор борется с Екатеринбургом.

Екатеринбург побежден. Он умирает. Но еще не исчез окончательно.

Вот незамошенная улица.

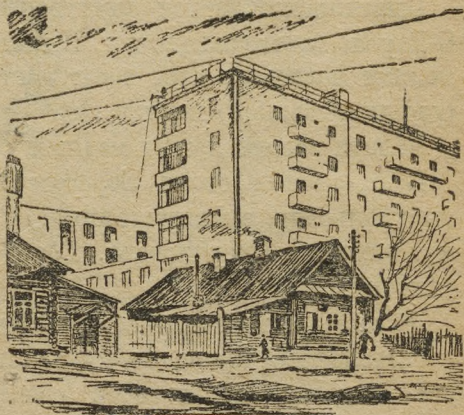
Осенью здесь чавкает и хлюпает грязь. Это — Екатеринбург.

Рядом с многоэтажными домами стоят покосившиеся хибарки. Это — Екатеринбург.

Маленькие домишки еще отапливаются печами-голландками. Это — Екатеринбург.

Женщина, согнув плечи, несет коромысло, в ведрах плещется вода. Это — Екатеринбург.

— Хлоп! Хлоп! — раздается звук валька на

плоту: полощут белье, выстиранное дома.
Это — Екатеринбург.

Нехватает благоустроенных квартир. Мало бань, прачечных, школьных зданий.

А вокзал! На вокзале такая теснота, что часть пассажиров вынуждена ожидать под открытым небом.

Достраивать город мы будем во второй пятилетке.

За вторую пятилетку вырастут:

Сотни больших каменных зданий.

Школы, столовые, больницы, детсады, ясли, магазины, клубы, кино.

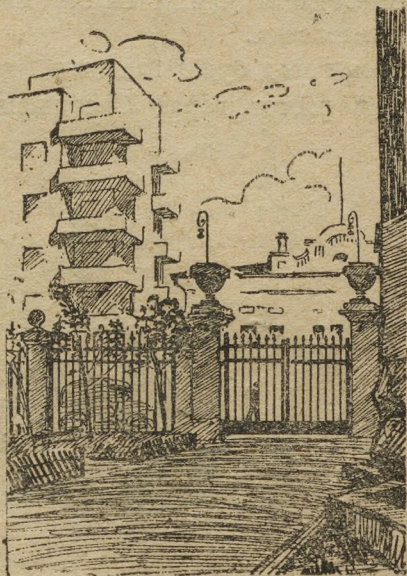
Большой театр.

Новый вокзал. Дом комсомола.

Новые фабрики-кухни, хлебозаводы.

Новая телефонная автоматическая станция.

Трамвайные вагоны добегают на Эльмаш, — в Нижнеисетск на завод химаппаратуры, в Уктус.

Расширится сеть канализации.

Мы пророем большой канал. Вода Чусовой польется в Верхисетский пруд. Водопроводные трубы понесут ее по заводам и кварталам Свердловска.

Высокие каменные дома загородят дорогу ветрам. Замостятся улицы ВИЗа, южной части города, Пышмазавода.

Весь город будет озеленен.

Так растет город Свердлова.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Часть первая. *Город-крепость.*

Татищев	5
Строителям города	13
Огненная работа	23
Приписные	27
Первый русский механик	30
Кому угрожали пушки	37
Екатеринбург насторожился	42

Часть вторая. *Горное царство.*

Город самоцветов и сала	47
Сибирское золото	53
Григорий Зотов	57
Горное царство	60
Волчья воля	63

Часть третья. *Подполье.*

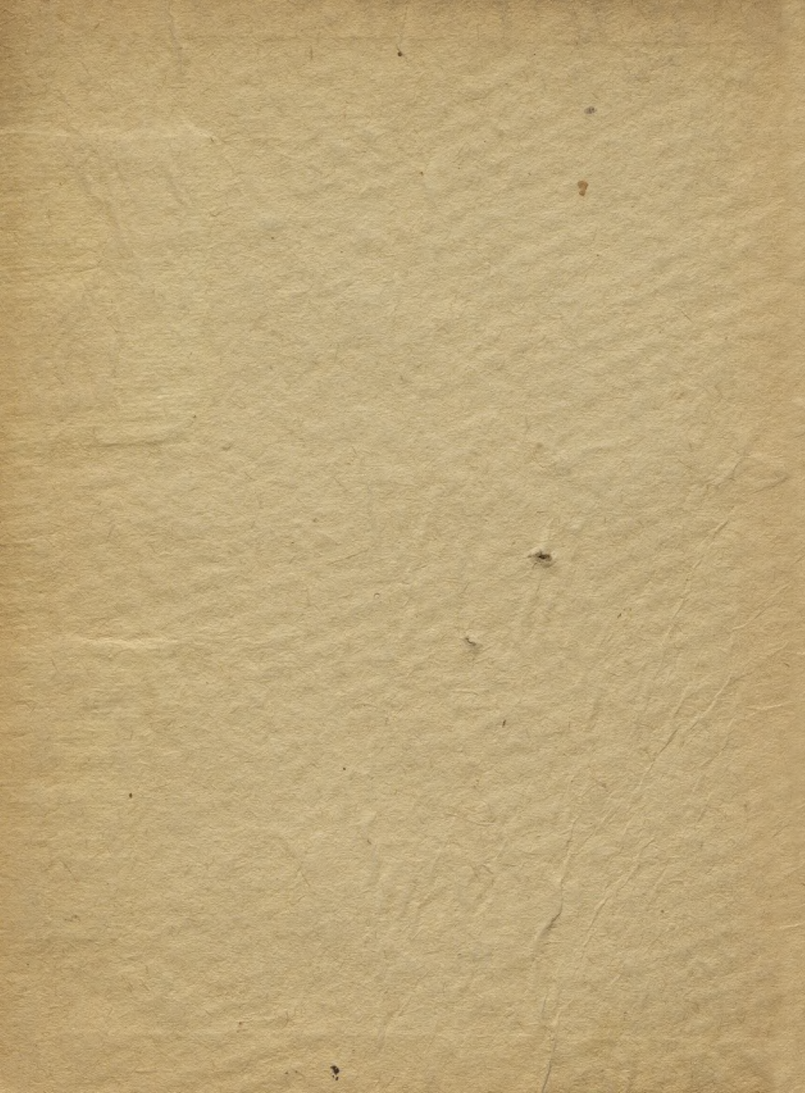
Достопримечательности города	65
1905 год	70
Техника	75
Товарищ Андрей	79

Часть четвертая. *Октябрь.*

Подготовка к борьбе	94
Враги	98
Война	105
Каратели	116
15 июля	124

Часть пятая. *Город Свердлов.*

Новое имя	129
ВИЗ	135
Уралмаш	136
Большой Свердловск	149

1 p. 05 H.